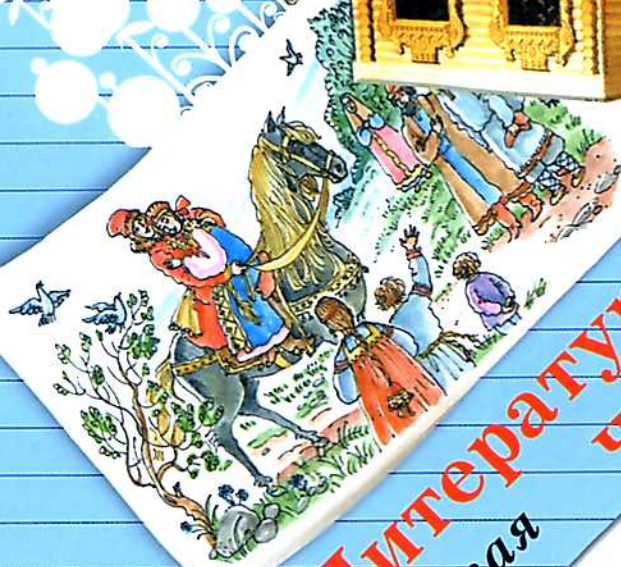

3 класс

Л.А. Ефросинина

**Литературное
чтение**
Часть первая
Учебная
хрестоматия

Вентана-Граф

Начальная школа XXI века

Литературное чтение

Учебная хрестоматия
для учащихся
общеобразовательных
учреждений

3 класс

В двух частях

Часть первая

*Издание третье,
доработанное*

Москва
Издательский
центр
«Вентана-Граф»
2013

Л64 **Литературное чтение** : 3 класс : учебная хрестоматия для учащихся общеобразовательных учреждений : в 2 ч. Ч. 1 / [авт.-сост. Л.А. Ефросинина]. — 3-е изд., дораб. — М. : Вентана-Граф, 2013. — 192 с. : ил.

ISBN 978-5-360-03964-8 (ч. 1)

ISBN 978-5-360-03966-2 (общ.)

В хрестоматию включены произведения для слушания и самостоятельного чтения. Главная цель пособия — обогатить читательский опыт третьеклассников, расширить их круг чтения, создать доступную читательскую среду. Каждое произведение относится к определённому разделу учебника «Литературное чтение» для 3 класса.

Учебно-методический комплект (учебник, учебная хрестоматия, рабочая тетрадь) позволяет вести дифференцированную работу с учащимися, учитывая их индивидуальные возможности.

Соответствует федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования (2009 г.).

ББК 84.98я71

Условные обозначения

Обратите внимание.
Это важно знать

Ответьте на вопросы,
выполните задания

Подсказка

Словарь

Послушайте Произведение читает учитель

На острове Буяне

Загадки

У нашей Малашки
Тридцать три рубашки,
А ветер подул —
Все рубашки раздул.

По земле не хожу,
На небо не гляжу,
Гнезда не завожу,
А деток вывожу.

Всю зиму пролежал,
Весной в речку убежал.

Штучка-одноручка,
Носок стальной,
Хвостик льняной.

Не конь, а бежит,
Не лес, а шумит.

1. Подберите отгадки: рыба, река, курица, снег, иголка с ниткой.
2. Возьмите в библиотеке книгу — сборник с загадками (любое издание). Рассмотрите, найдите и прочитайте загадки о природе.

Скороговорки

- Идёт козёл, косой козёл.
- Дали Клаше каши с простоквашей; ела Клаша кашу с простоквашей.
- Козёл-мукомол, кому муку молот, кому не молот?
- Расскажу вам про покупки. Про какие про покупки? Про покупки, про покупки, про покупочки мои!

Пословицы

Прямой и переносный смысл пословиц

Куй железо, пока горячо. В этой пословице имеется в виду кузнец, которому напоминают, что из холодного железа ничего не скуёшь. Однако пословица относится к любой работе, которую нельзя откладывать, к таким делам, которые требуют немедленного решения. Пословица имеет, следовательно, **прямой смысл** (работа кузнеца) и **переносный** (любая ра-

бота, требующая немедленного выполнения).

Пословицы легко и быстро запоминаются, потому что похожи по складу речи на короткие стихотворения.

- Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела *гож*.
- Не надобен клад, коли в семье лад.
- Самолюб никому не люб.
- На чужой стороне и весна не красна.
- Смотри дерево в плодах, а человека в делах.
- Своя земля и в горсти мила.
- Красна птица пеньем, а человек — умением.
- Без наук как без рук.
- Друзья познаются в беде.
- Где хотенье, там и уменье.
- Что людям пожелаешь, то и сам получаешь.
- Доброе братство милее богатства.
- Чему Ваня не научился, того Иван не выучит.
- Пчела мала, а и та работает.
- Хлеб — всему голова.
- Хлеб — батюшка, вода — матушка.

Гож — годен.

О чём люди сочиняют пословицы? Назовите темы. Приведите примеры.

Потешки

Потешка — жанр устного народного творчества (фольклора), короткая песенка-приговорка, которой сопровождаются игры с малышами.

Вспомните потешки-шутки, научитесь их выразительно читать.

Ульяна

Проснулась Ульяна не поздно, не рано:
Люди — косить, а она — голову мочить,
Люди — грести, а она — косу плести,
Люди — жать, а она — на меже лежать.
Люди — молотить, а она — пыль ворошить...
А обедать пойдут — и она тут как тут!

Зайка

— Зайка серенький, где ты был-побывал?

— Был я побывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спаленке.

— Зайка серенький, кого видел-повидал?

— Анюшу черноброву, Варюшу черноглазу, Катюшу румяную, она краше всех.

— Зайка серенький, они звали ли тебя?

— Звали-позывали: Анюша на часок, Варюша на денёк, Катюша удаляла на недельку позвала.

— Зайка серенький, кормили ли тебя?

— Анюша — блинами, Варюша — пирогами, Катюша удаля кашу с маслом подала.

— Заинька серенький, поили ли тебя?

— Анюша-то квасом, Варюша-то чайком, а Катюша удаля стакан мёду налила.

— Заинька серенький, уложили ли тебя?

— Анюша — на перинку, Варюша — под простынку, Катюша удаля мне подушечку дала!

Былины

Вспомните, что такое былины.

Былины — это произведения русского фольклора о героических подвигах богатырей, защитников Древней Руси. Былины иногда называют *старинны*.

Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча

Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у неё любимый сын — богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок,

и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый, никогда он грубого слова не скажет, никого зря не обидит. Недаром прозвали его «тихий Добрынюшка».

Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошёл он к матери Мамелфе Тимофеевне:

— Отпусти меня, матушка, съездить к Пучай-реке, в студёной воде искупаться, — истомила меня жара летняя.

Разохлаась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать:

— Милый сын мой Добрынюшка, ты не ездь к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечёт, из второй струйки искры сыплются, из третьей — дым столбом валит.

— Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать.

Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна.

Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копье да лук со стрелами, саблю острую да плёточку.

Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой, жарко палит солнце летнее, припекает Добрыне голову. Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке.

От Пучай-реки прохладой несёт.

Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге.

— Ты постой здесь, покарауль коня.

Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, всё оружие на коня сложил и в реку бросился.

Плывёт Добрыня по Пучай-реке, удивляется:

— Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала! Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая.

Не успел Добрыня сказать — вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...

Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трёх головах, о семи хвостах, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидал Змей Добрыню, громом загремел:

— Эх, старые люди пророчили, что убьёт меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои лапы пришёл. Захочу теперь — живым сожру, захочу — в своё логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни.

А Добрыня говорит тихим голосом:

— Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, а потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках.

Хорошо Добрыня плавать умел, он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеиного, вскочил на коня да и был таков. И увёз всё оружие Добрынино.

Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться...

А змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горючими, жжёт Добрыне тело белое.

Дрогнуло сердце богатырское.

Поглядел Добрыня на берег — нечего ему в руки взять: ни дубинки нет, ни камешка, только жёлтый песок на крутом берегу да валяется его шляпа греческая.

Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в неё песку жёлтого ни много ни мало — пять пудов, да как ударит шляпой Змея Горыныча — и отшиб ему голову.

Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить ещё две головы...

Как взмолился тут Змей Горыныч:

— Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться. Дам тебе я великий *обет*: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеёнышей.

Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его проклятого.

Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя Владимира племянница.

Увидел Змей княжну, обрадовался, кинулся на неё из-под облака, ухватил в свои медные когти и унёс на горы Сорочинские.

В это время Добрыня слугу нашёл, стал надевать платье дорожное, — вдруг потемнело небо, гром загремел. Поднял голову

Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несёт в когтях Забаву Путятишну.

Тут Добрыня запечалился — запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал.

Стала его мать расспрашивать:

— Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чём, мой свет, печалишься?

— Ни об чём не кручинюсь, ни об чём я не печалюсь, а дома мне сидеть невесело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня весёлый пир.

— Не езди, Добрынюшка, к князю, недоброе чует моё сердце. Мы и дома пир заведём.

Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру.

Приехал Добрыня в Киев, прошёл в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломятся, стоят бочки мёда сладкого, а гости не едят, не пьют, опустив головы сидят.

Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит.

Вот Владимир-князь и говорит:

— Эх, гости мои любимые, невесёлый у нас пир идёт. И княгине горько, и мне нерадостно. Унёс проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит её?

Куда там! Прячутся гости друг за дружку, большие за средних, средние за меньших, а меньшие и рот закрыли.

Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алёша Попович:

— Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратался, назвал его братом меньшим. Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названного брата выпросит.

Рассердился Владимир-князь:

— Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны — прикажу тебе голову срубить.

Опустил Добрыня буйну голову, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал.

Вышла ему навстречу матушка, видит — на Добрыне лица нет.

— Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя, или *чарой* обнесли, или на худое место посадили?

— Не обидели меня, и чарой не обнесли, и *место* мне было *по чину*, по званию.

— А чего же ты, Добрыня, голову повесил?

— Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унёс.

Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать.

— Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудреней, завтра будем совет держать.

Лёг Добрыня спать. Спит-храпит, что поток шумит.

А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетёт всю ночь из семи шелков плёточку-семихвосточку.

Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича:

— Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем стойле дверь не открывается, наполовину в навоз ушла. Понатужься, Добрынюшка, отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет, по колено ноги в навоз ушли. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи.

Пошёл Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку, привёл ко крыльцу. Стал Бурушку засёдлывать. Положил на него потничек, сверху потничка войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, зауздал золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плётку-семихвостку:

— Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыныча дома не случится. Ты конём налети на логово и начни топтать змеёнышей. Будут змеёныши Бурке ноги обвинять, а ты Бурке плёткой меж ушей хлещи.

Станет Бурка подскакивать, с ног змеёнышей отряхивать и всех притопчет до единого.

Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжает сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой. День уходит за днём, будто дождь дождит, а неделя за неделей, как река бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую.

А на горе у змеиного логова кишмя кишат змеёныши. Стали они Бурушке ноги обвивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает. Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плётку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать:

— Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеёнышей отряхивай.

От плётки у Бурушки силы прибыло, стал он высоко скакать, за *версту* камешки откидывать, стал прочь от ног змеёнышей отряхивать. Он их копытом бьёт, и зубами рвёт, и притоптал всех до единого.

Сошёл Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую — богатырскую палицу и пошёл к змеиным пещерам.

Только шаг ступил — потемнело небо, гром загремел; летит Змей Горыныч, в когтях мёртвое тело держит. Из пасти огонь сечёт, из ушей дым валит, медные когти, как жар, горят...

Увидал Змей Горыныч Добрынюшку, бросил мёртвое тело наземь, зарычал громким голосом:

— Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детёнышей?

— Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унёс Забаву Путятишну? Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу.

— Не отдам я Забаву Путятишну, я её сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму.

Рассердился Добрыня и на Змея бросился. И пошёл тут жестокий бой.

Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вывернулись, трава на *аршин* в землю ушла...

Бьются они три дня и три ночи; стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать... Вспомнил тут Добрыня про плёточку, выхватил её и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле прижал, а правой рукой плёткой оха-

живает. Бил, бил его плёткой шелковой, укротил, как скотину, и отрубил все головы.

Хлынула из Змея чёрная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса.

Трое суток стоит Добрыня в чёрной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет русская земля змеиную кровь принимать.

Видит Добрыня, что ему конец пришёл, вынул плёточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать:

— Расступись ты, мать сыра земля, и пожри кровь змеиную.

Расступилась сыра земля и пожрала кровь змеиную.

Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, побочистил доспехи богатырские и пошёл к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны.

Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и засовы, зашёл в первую пещеру. А там видит царей и царевичей, королей и королевичей с сорока земель, с сорока стран, а простых воинов и не сосчитать.

Говорит им Добрынюшка:

— Эй же вы, цари иноземные, и короли чужестранные, и простые воины! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену.

Стали выходить они на волю, в землю Добрыне кланяться.

— Век мы тебя помнить будем, русский богатырь.

А Добрыня дальше идёт, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет старики и молодюшки, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет.

Так прошёл Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашёл Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес.

А она на ногах стоит, шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил её Добрыня на зелёную траву, накормил-напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилёг.

Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву впереди себя и в путь тронулся. А кругом народу и счёту нет, все Добрыне в пояс

кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат.

Выехал Добрыня в жёлтую степь, пришпорил коня и повёз Забаву Путятишну к Киеву.

Обёт — обещание, зарок, клятва.

Ча́рой обнесли́ — пронесли угощение мимо.

Ме́сто по чи́ну — почётное место.

Верста́ — русская мера длины, равная 1,067 км.

Арши́н — русская мера длины, равная 71 см.

Какие подвиги совершил Добрыня Никитич? Чем отличается эта былина от былины «Добрыня и Змея» в учебнике?

Первый бой Ильи Муромца

В старину стародавнюю жил под городом Муромом, в селе Карачарове, крестьянин Иван Тимофеевич со своей женой Евфросиньей Яковлевной. Был у них один сын, Илья.

Снарядился Илья и пошёл к отцу с матерью.

— Отпустите меня, батюшка с матушкой, в стольный Киев-град к князю Владимиру. Буду служить Руси родной верой-правдой, беречь землю русскую от недругов-ворогов.

Говорит старый Иван Тимофеевич:

— Я на добрые дела благословляю тебя, а на худые дела моего благословения нет. Защищай нашу землю русскую не для золота, не из корысти, а для чести, для богатырской славушки. Зря не лей крови людской, не слези матерей, да не забывай, что ты *роду чёрного, крестьянского*.

Поклонился Илья отцу с матерью до сырой земли и пошёл седлать Бурушку-Косматушку. Положил на коня потнички, на потнички — войлочки, а потом седло черкасское с двенадцатью подпругами шелковыми, а с тринадцатой железной, не для красы, а для крепости.

Захотелось Илье свою силу попробовать.

Он подъехал к Оке-реке, упёрся плечом в высокую гору, что на берегу была, и свалил её в реку Оку. Завалила гора русло, потекла река по-новому.

Взял Илья хлебца ржаного корочку, опустил её в реку Оку, сам Оке-реке приговаривал:

— А спасибо тебе, матушка Ока-река, что напоила, что накормила Илью Муромца.

На прощанье взял с собой земли родной малую горсточку, сел на коня, взмахнул плёточкой...

Видели люди, как вскочил на коня Илья, да не видели, куда поскакал. Только пыль по полю столбом поднялась...

Как хватил Илья коня плёточкой, взвился Бурушка-Косматушка, проскочил полторы версты. Где ударили копыта конские, там забил ключ живой воды. У ключа Илюша сырой дуб срубил, над ключом сруб поставил, написал на срубе такие слова: «Ехал здесь русский богатырь, крестьянский сын Илья Иванович».

До сих пор льётся там родничок живой, до сих пор стоит дубовый сруб, а в ночи к ключу студёному ходит зверь-медведь воды испить и набраться силы богатырской.

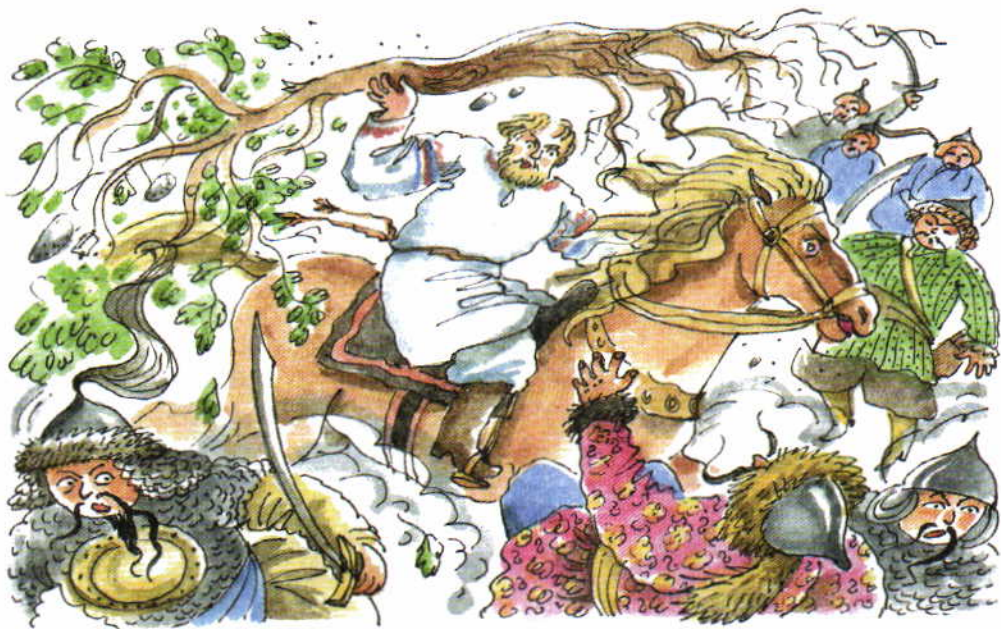
И поехал Илья к Киеву.

Ехал он дорогой прямоезжей мимо города Чернигова. Как подъехал он к Чернигову, услышал под стенами шум и гам: обложили город татар тысячи. От пыли, от пару лошадиного над землёй мгла стоит, не видно на небе красного солнышка. Не проскочить меж татар серому заюшке, не пролететь над ратью ясному соколу. А в Чернигове плач да стон, звенят колокола похоронные. Заперлись черниговцы в каменный собор, плачут, молятся, смерти дожидаются: подступили к Чернигову три царевича, с каждым силы сорок тысяч.

Разгорелось у Ильи сердце. Осадил он Бурушку, вырвал из земли зелёный дуб

с каменьями да с кореньями, ухватил за вершину да на татар бросился. Стал он дубом помахивать, стал конём врагов потаптывать. Где махнёт — там станет улица, отмахнётся — переулочек. Доскакал Илья до трёх царевичей, ухватил их за жёлтые кудри и говорит им такие слова:

— Эх вы, татары-царевичи! В плен мне вас, братцы, взять или буйные головы с вас снять? В плен вас взять — так мне девать вас некуда, я в дороге, не дома сижу, у меня хлеб в *торока́х* считанный для себя, не для нахлебников. Головы с вас снять — чести мало богатырю Илье Муромцу. Разъезжайтесь-ка вы по своим ордам да разнесите весть по всем врагам, что родная Русь не пуста стоит, есть на Руси сильные, могучие богатыри, пусть об этом враги подумают.

Тут поехал Илья в Чернигов-город. Заходит он в каменный собор, а там люди плачут, обнимаются, с белым светом прощаются.

— Здравствуйте, мужики черниговские, что вы, мужички, плачете, обнимаетесь, с белым светом прощаетесь?

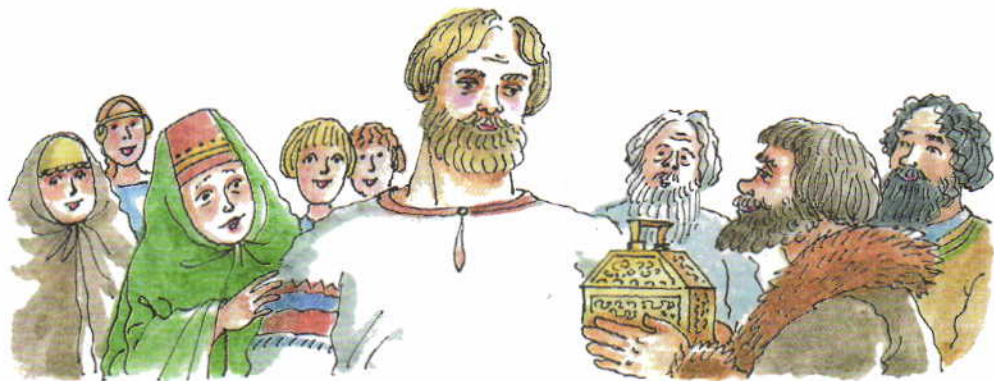
— Как нам не плакать: обступили Чернигов три царевича, с каждым силы сорок тысячей, вот нам и смерть идёт.

— Вы идите на стену крепостную, посмотрите в чистое поле, на вражью рать...

Шли черниговцы на стену крепостную, глянули в чистое поле, а там врагов побито-повалено, будто градом нива выбита, пересечена.

Бьют челом Илье черниговцы, несут ему хлеб-соль, серебро, золото, дорогие ткани, камнями шитые.

— Добрый молодец, русский богатырь, ты какого роду-племени? Какого отца, какой матушки? Как тебя по имени зовут? Ты иди к нам в Чернигов воеводой, будем все мы тебя слушаться, тебе честь отдавать, тебя кормить-поить, будешь ты в богатстве и почёте жить.

Покачал головой Илья Муромец:

— Добрые мужички черниговские, я из-под города из-под Муромы, из села Карачарова, простой русский богатырь, крестьянский сын. Я спасал вас не из корысти, и мне не надо ни серебра, ни золота. Я спасал русских людей, красных девушек, малых деточек, старых матерей. Не пойду я к вам воеводой в богатстве жить. Моё богатство — сила богатырская, моё дело — Руси служить, её от врагов оборонять.

Стали просить Илью черниговцы хоть денёк у них перебыть, попить на весёлом пиру, а Илья и от этого отказывается:

— Некогда мне, люди добрые. На Руси от врагов стон стоит, надо мне скорее к князю добираться, за дело браться. Дайте вы мне на дорогу хлеба да ключевой воды и покажите дорогу прямую к Киеву.

Задумались черниговцы, запечалились:

— Эх, Илья Муромец, прямая дорога к Киеву травой заросла, тридцать лет по ней никто не ездывал...

— Что такое?

— Засел там у речки Смородиной Соловей-разбойник, сын Рахманович. Он сидит на трёх дубах, на девяти суках. Как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному, — все леса к земле клонятся, цветы осыпаются, травы сохнут, а люди да лошади мёртвыми падают. Поезжай ты, Илья, дорогой окольной. Правда, прямо до Киева триста вёрст, а окольной дорогой — целая тысяча.

Помолчал Илья Муромец, а потом и головой тряхнул:

— Не честь, не хвала мне, молодцу, ехать дорогой окольной, позволять Соловью-разбойнику мешать людям к Киеву путь держать. Я поеду дорогой прямой, неезженной.

Вскочил Илья на коня, хлестнул Бурушку плёткой да и был таков, только его черниговцы и видели.

Рóду чёрного — роду простого, из крестьян.

Торока́ — ремешки позади седла.

Око́льная (дорога) — делающая крюк, непрямая.

1. Рассмотрите книги о подвигах Ильи Муромца: «Былины» (М. : Просвещение, 1993) и «Богатырские сказы» (любое издание).

2. Какие слова сказал Илья Муромец пленным царевичам?

Послушайте

Алёша Попович

На небесах зародился *млад-светел* месяц, на земле-то у старого *соборного* Леонтья-попа зародился сын — могучий богатырь; дали ему имя млад Алёша Попович — имечко хорошенькое. Стали Алёшу кормить-поить; у

кого недельный — он денной такой; у иных годовой — Алёша недельный такой.

Стал Алёша по улочке похаживать, стал с малыми ребятами поигрывать: кого возьмёт за ручку — ручка прочь, кого за ножку — ножка прочь.

Стал Алёша на вóзрасте; начал у отца-матери просить *благословéньица*: ехать-гулять во *чисто поле*. Отец говорит:

— Алёша Попович, поедешь ты во чисто поле, а ведь есть и посильнее тебя; ты возьми себе в товарищи Марышку Паранова сына.

Садились добры молодцы на добрых коней; как поехали они во чисто поле — пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели.

Приезжали добры молодцы в Киев-град. Тут Алёша Попович прямо идёт в белокаменны палаты ко князю ко Владимиру, крест кладёт по писаному, поклоняется поучёному, на все четыре стороны, а князю Владимиру на *осóбицу*.

Встречает добрых молодцев Владимир-князь, сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попоить-покормить и вестей поспросить. Стали добрые молодцы есть *пряники печатные*, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых молодцев Владимир-князь:

— Кто вы, добры молодцы? Сильные ли богатыри удалые или *путники перехожие* — *сумки перемётные*?

Ответ держит Алёша Попович:

— Я сын старого соборного Леонтья-попа, Алёша Попович млад, а в товарищах Марышко Паранов сын.

Как поел да попил Алёша Попович, лёг *полудновать* на кирпичную печь, а Марышко за столом сидит.

В те поры наезжал Змеёвич-богатырь к князю Владимиру. Идёт Тугарин Змеёвич в палаты белокаменные ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол; он пьёт, и ест, и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играет и ругается; он кладёт *ковригу* за щёку, а другую за другую кладёт; на язык кладёт целого лебедя, пирогом по-пихнул — всё вдруг проглотнул.

Лежит Алёша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеёвичу:

— Была у нашего батюшки, у старого у Леонтья-попа, была коровище, была обжорище, ходила по пивоварням и съедала целые *кадцы* пивоварные с гуцею; дошла коровище, дошла обжорище до озера, всю воду из озера выпила — тут её и разорвало. А и тебя Тугарина так же за столом-то всего бы разорвало.

Рассердился Тугарин на Алёшу Поповича, бросил в него булатным ножом. Алёша Попович увёртлив был, увернулся за дубовый столб. Говорит Алёша такое слово:

— Спасибо тебе, Змеёвич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные.

В те поры выскочил Марышко Паранов сын из-за стола, схватил Тугарина и бросил о палату белокаменну — посыпались оконцы стекольчатые.

Говорит Марышко Алёше:

— Подай-ка мне, Алёша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеёвичу груди белые, застелю я ему очи ясные.

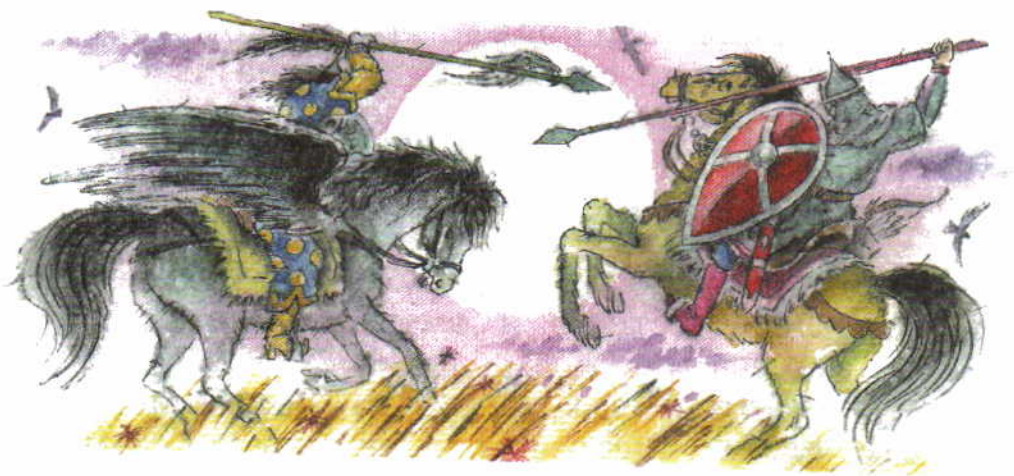
А Алёша отвечает:

— Не марай ты палат-то белокаменных, отпусти его в чисто поле, никуда он там не денется; съедемся с ним завтра в чистом поле.

Поутру раным-ранёшенько подымался вместе с солнышком Марышко Паранов сын, выводил он резвых коней пить воду на быстру реку. Видит — летает Тугарин Змеёвич по поднебесью и зовёт Алёшу Поповича в чисто поле. Приехал Марышко Паранов сын к Алёше Поповичу.

— Бог тебе судья, Алёша Попович, не дал ты мне булатного ножа: распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные. А теперь что возмёшь у Тугарина, летает он по поднебесью!

Вывел Алёша своего доброго коня, оседлал в черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради *басы*, ради крепости, поехал в чисто поле. Едет Алёша по чисту полю и видит Тугарина Змеёвича: летает он по поднебесью. Смотрит Алёша на небо, подзывает тучу грозовую, чтобы смочила дождём Тугариновы крылья.

Накатилась туча чёрная, пролилась дождём, смочила у Тугаринова коня крылья, пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

Не две горы вместе встречаются, то Тугарин с Алёшей съезжаются. Палицами ударились — палицы поломались; копьями соткнулись — копья извернулись; саблями махнулись — сабли исцербились. Тут Алёша Попович повалился с седла, как овсяной сноп. Обрадовался Тугарин, хотел бить Алёшу Поповича, а Алёша увёртлив был. Увернулся Алёша под конное *чрево*, с другой стороны вывернулся и ударил Тугарина булатным ножом под *правую пазуху*. Спихнул Тугарина с доброго коня и кричит Тугарину:

— Спасибо тебе, Тугарин Змеёвич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные.

Отрубил Алёша Попович буйну голову Тугарину и повёз буйну голову к князю Владимиру. Едет да головушкой поигрывает,

высоко головушку вымётывает, на востро копьё головушку подхватывает. Тут Владимир испугался:

— Везёт-де Тугарин буйну голову Алёши Поповича. *Попленит* он теперь всё наше царство.

А Марышко Паранов говорит:

— *Не тужи* ты, Красное Солнышко, Владимир стольно-киевский. Если едет по земле, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на моё копьё булатное; не печалуйся, князь Владимир.

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алёшу Поповича.

— Вижу я *ухватку богатырскую*, поступку молодецкую: накруто Алёша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку вымётывает, на востро копьё головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алёша Попович, везёт он головушку поганого Тугарина Змеёвича.

Млад — молодой, мо́лодец.

Соборный поп — священник, служащий в главном храме (церкви) селения — собо́ре.

Стать на вóзрaсте — стать совершенно-летним.

Благословéньице — одобрение, напутствие, разрешение, пожелание.

Чи́сто по́ле — здесь: степи, места, где обитали кочевые племена, совершавшие набеги на Русь.

Осо́бица — отдельно; не так, как всем; пожелание с уважением.

Пря́ники печа́тные — пряники с узорами, знаками.

Пу́тники перехо́жие — странники, нищие.

Су́мки переме́тные — так говорят с презрением о тех, кто легко меняет друзей.

Полудно́вать — отдыхать в полдень.

Коври́га — большой круглый хлеб, каравай.

Ка́дцы — бочки.

Баса́ — украшение, краса.

Чре́во — живот.

Пра́вая па́зуха — здесь: правая часть груди.

Попле́нит (поло́нит) — возьмёт в плен, захватит.

Не тужи́ — не горюй, не печалься, не кручинься.

Ухва́тка бога́тырская — ловкость, сноровка.

1. Расскажите, каким вы представляете Алёшу Поповича. Чем он отличается от других богатырей? Подтвердите свой ответ словами былины.

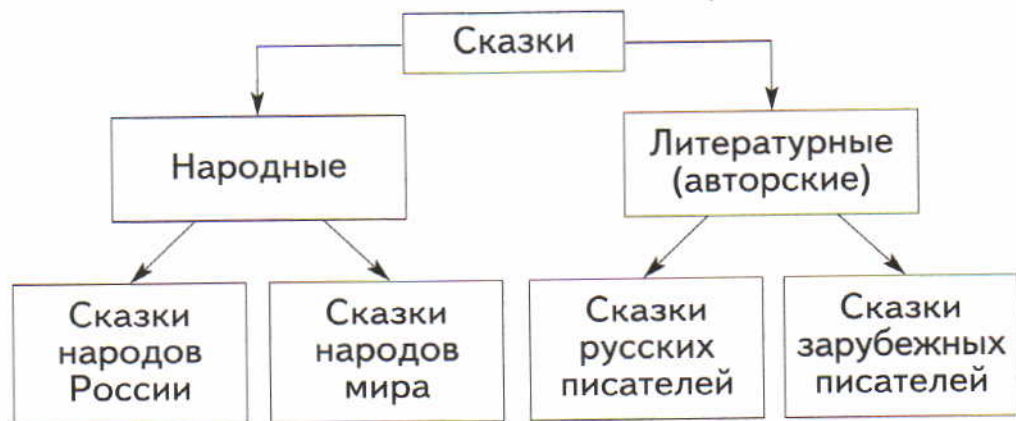
2. Поработайте в библиотеке с книгами о былинном богатыре Алёше Поповиче. Например: «Добрыня Никитич и Алёша Попович» (любое издание). Рассмотрите иллюстрации, прочитайте фамилию художника. Прочитайте или перечитайте былинку.

Добрым молодцам урок

У сказок много дорог. Можно пойти дорогой народных волшебных сказок и узнать чудо чудное и диво дивное. Можно пойти дорогой бытовых сказок или сказок о животных. А ещё можно выбрать дорогу авторских сказок. Отправимся путешествовать по сказкам. Перед вами карта сказочных дорог.

Возьмите в библиотеке книгу — сборник сказок. Например: «Сказки русского наро-

да» или «Русские волшебные сказки» (любое издание). Рассмотрите книгу, выберите и прочитайте одну сказку.

Лиса и Котофей Иванович

*Русская народная сказка
в обработке М.А. Булатова*

Жили-были старик со старухой. Жили они бедно. Скотинки никакой у них не было — только один кот. Жил он у стариков долго, остарел так, что перестал мышей ловить. Старуха стала обижаться на кота, говорит: «Раз не ловит он мышей, так не нужен нам!» И заставила старика положить кота в мешок, унести в лес подальше и там вытряхнуть.

И вот старик пошёл в лес, кота выбросил, сам пошёл обратно домой, а кот остался в лесу. Проголодался кот, видит — дело плохо, надо добывать себе пищу. Стал искать добычи, чтобы пообедать. И тут увидел большой пенёк. Почуял он, что под пенёком много мышей, у норки притаился, стал перехватывать мышей. Их так много там оказалось, что он хорошо покушал, в запас на ужин припас и пошёл дальше.

Шёл, шёл — навстречу бежит лиса. В первый раз пришлось ей видеть кота. Она удивилась: «Фу-фу! Что это такое? Никогда не видела таких зверей. Кто вы такие будете?» А кот отвечает: «Я прислан сюда начальником. Сам из сибирских лесов. И зовут

меня Котофей Иванович». — «Ах, — говорит лиса, — Котофей Иванович? А я и не слыхивала, что у нас в лесу такой начальник! Пойдём ко мне покушать».

И повела его в свой дом.

Оказалось у лисы курятинки много и мяска всякого. Угостила она Котофей Ивановича на славу. Угостила, а потом говорит: «Что же вы, Котофей Иванович, один? Некуда вам идти, что ли? Давайте жить вместе, оставайтесь у меня».

И вот они стали жить вдвоём, кот и лиса. Лиса то и дело мясцо тащит и кормит Котофей Ивановича. То утку, то гуся, то курицу где-нибудь достанет. Настало для Котофей Ивановича сладкое житьё.

И вот однажды побежала лиса на охоту и поймала на озере утку. На радостях понесла она эту утку Котофей Иванычу. А когда бежала, то по пути ей встретился волк. И говорит он: «Стой, лиса! Отдай мне утку!» А лиса говорит: «Нет, не отдам!» — «Коли не отдашь, я отберу силой!» А лиса говорит: «А я скажу Котофей Иванычу, если отберёшь!» — «Это что ещё за Котофей Иваныч?» — спрашивает волк. А лиса ему отвечает: «А разве ты не слыхал и не видал, что у нас есть начальник? Он прислан для нас, зверей, из сибирских лесов, чтобы у нас был порядочек. А я, лиса, Котофей Иваныча теперь жена!» Отвечает волк: «Ах, лисонька, я этого и не слыхивал, извиняюсь!» И пошёл несолоно хлебавши.

Лиса побежала ещё быстрее. И вдруг встречается ей медведь. И говорит он: «Стой, лиса! Отдай мне утку!» — «Нет, не отдам!» — «А не отдашь, так я отберу силой!» — «А отберёшь силой, я скажу Котофей Иванычу!» — «Что это значит? Кто такой Котофей Иваныч?» — «Разве ты не слышал, что к нам из сибирских лесов прислан начальником Котофей Иваныч, чтобы был у нас порядочек!» — «Ах, лисонька, я этого не слыхивал!» — «А у меня Котофей Иваныч очень сердитый. Не дай Бог ему досадить! Вы лучше с волком приходите и поклонитесь ему, принесите подарки. Ты принеси ему быка, а волк пускай принесёт барана. Но когда принесёте, сами отойдите подальше, а то Котофей Иваныч очень сердит!»

И так лиса напугала медведя, что он обязался подарки принести и пошёл от лисоньки несолоно хлебавши. А лиса побежала к Котофей Иванычу. Прибежала и стала угощать его уткой. Угощает, а сама говорит: «Сейчас только хотели отнять у меня эту уточку волк и медведь. Но я им не отдала и даже с них подарок тебе выпросила. И они обещали предоставить подарочек: медведь — быка, а волк — барана».

Котофей Иваныч остался доволен лисонькой: видит, хорошо с ней жить, сытно, пригодно. И стал с ней ещё ласковей.

А медведь и волк сошлись и порешили припасти подарки, чтобы к начальнику идти. Медведь поймал быка, а волк барана. И понесли их лисе.

Шли, шли, а лисиного дома не знали. И остановились они, сложили свою ношу и стали совет держать. Медведь говорит: «Ну, Левон Иванович, беги, разыскивай, где живёт лиса». А волк говорит: «Нет, Михайло Иванович, я не смею, боюсь начальника. Вы посильней меня, идите сами». Но медведь сказал: «Нет, не пойду!»

И вот на их спор набежал заяц. Бежит мимо них, а медведь и заревел: «Стой, ко-сой!» Заяц испугался, остановился. Медведь его спрашивает: «Косой, знаешь, где лиса живёт?» — «Знаю, Михайло Иванович!» — «Ну, беги к ней и скажи: Михайло Иванович и Левон Иванович принесли подарки и дожидаются, когда вы примете их».

Заяц побежал во всю прыть. Подбегает к лисиной избушке и стучит в окошко: «Михайло Иванович и Левон Иванович принесли вам подарки. Ждут, когда примете их».

Лиса с Котофей Ивановичем тут же стали собираться выходить.

А медведь и говорит волку: «Левон Иванович, я полезу на дерево. Боюсь нового начальника!» — «Михайло Иванович, а куда же мне деваться? — говорит волк. — Я не умею по деревьям лазить. Схороните меня, пожалуйста!»

Залез волк в яму, медведь завалил его хворостом, а сам полез на дерево. И когда он влез на высокое дерево, то увидел лису с котом. Удивился, что начальник много меньше лисы ростом, и говорит Левон Ивановичу с дерева: «Эх, Левон Иванович, какой начальник-то маленький!»

А кот учуял свежее мясо, подбежал к быку и давай его драть. А сам кричит: «Мяу, мяу, мяу!» А медведю послышалось: «Мало, мало, мало!» И говорит он сам себе: «Невелик, а прожорлив!»

Волку тоже интересно поглядеть на начальника из ямы, но ничего ему не видно. Стал он высовывать морду из-под хвороста, а кот услышал, что-то шевелится, и подумал — мышь! Бросил мясо, в три прыжка подскочил к волку и схватил его за морду когтями. Волк завыл от боли, вскочил да бежать! А кот сам напугался пуще волка: сроду такого зверя не видывал! Фыркнул, на дерево вскочил, да на то самое, на котором медведь сидел. Тут и медведь испугался, подумал: «Ай, ай! Левон Ивановича разорвал, знать, теперь до меня добирается!» — Да с дерева прямо на землю.

А кот сидит на дереве уцепившись — не знает, что и делать!

Соскочил медведь с дерева и погнал по лесу. Бегут они с Левон Ивановичем, а лиса им вслед кричит: «Вот он вам задаст! Вот он вам задаст!»

Больше они с Котофеем Ивановичем не видели ни медведя, ни волка. Перетаскали мясо домой и стали жить да поживать припеваючи.

И посейчас живут, рассказывают.

 Прочитайте русские народные сказки о лисе, коте, медведе, волке. Например: «Медведь — липовая нога», «Лиса и волк», «Кот — серый лоб, козёл да баран» из книги-сборника «Русские народные сказки» (любое издание).

Дрозд Еремеевич

*Русская народная сказка
в обработке М.А. Булатова*

Жил-был Дрозд Еремеевич. Он свил на дубу гнездо и вывел трёх детёнышей. Повзрослела к нему Лиса Романовна. Придёт и поёт:

«Этот бы дубочек
Ссекти, срубить:
Сохи, бороны чинить
Да полозья гнуть!

Дома Дрозд Еремеевич?» Он говорит: «Дома». — «Отдай детёныша! Не отдашь — дуб хвостом ссеку и самого съем!»

Дрозд плакал, плакал и бросил ей детёныша. Она не съела, в лес унесла, положила. Опять идёт, так же поёт:

«Этот бы дубочек
Ссекти, срубить:
Сохи, бороны чинить
Да полозья гнуть!

Дома Дрозд Еремеевич?» Он говорит: «Дома». — «Отдай детёныша! Не отдашь — дуб хвостом ссеку и самого съем!»

Он подумал, подумал — ещё больше залился слезами и отдал второго детёныша. Лиса ушла и дома съела их.

В это время летит мимо дрозда Сорока Филипповна, летит и говорит: «Об чём,

Дрозд Еремеевич, плачешь?» — «Как мне не плакать? Лиса двух детей унесла. Придёт и поёт:

„Этот бы дубочек
Ссекти, срубить:
Сохи, бороны чинить
Да полозья гнуть!

Отдавай, — говорит, — дитя, а не отдашь — дуб хвостом срублю и самого съем“. Я думал, думал и отдал!..» — «Дурак ты, Дрозд! — сказала сорока. — Ты бы сказал: „Ссеки да ешь!“»

Только вылетела сорока из гнезда от дрозда, а лиса опять бежит — за третьим детёнышем. Прибежала, спела песенку и говорит: «Отдай дитя, а то дуб хвостом ссеку и самого съем!» — «Ссеки да ешь!»

Лисица стала рубить дерево. Рубила-рубила — и хвост отпал. Тогда лиса заплакала и убежала. Бежит и говорит: «Знаю, кто дрозда учил! Я Сороке Филипповне всё припомню!»

Побежала лиса в деревню да у бабки в квашне вымаралась и легла на дорогу. Прилетели лису оклёвывать вороны и воробы. И Сорока Филипповна прилетела да села на *рыло*. Лиса-то сороку и сцапала. Тут сорока ей и взмолилась: «Матушка Лиса, хоть как меня мучь, одной мұкой не мучь, в лукошко не сади, мочалой не путай, в горшок не опускай!» Лиса задумалась: что это ей сорока говорит? Приосла-

била зубы, а сороке то и надо было: тут же улетела...

Так и осталась Лиса Романовна ни с чем.

Ссекти́ — отсечь, срубить.

Ры́ло — вытянутая передняя часть головы у некоторых животных.

Какими вы представляете героев сказки? Какая народная мудрость заключена в этой сказке?

Елена Премудрая

Русская народная сказка

в обработке М.А. Булатова

В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью.

Ровно в двенадцать часов слышится солдату, что кто-то кричит из этой башни:

— Эй, служивый!

Солдат спрашивает:

— Кто меня кличет?

— Это я — чёрт, — отзывается голос из-за железной решётки, — тридцать лет сижу здесь не пивши, не евши.

— Что же тебе надо?

— Выпусти меня на волю. Как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь; только по-

мани меня — и я в ту же минуту явлюсь к тебе на выручку.

Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери — чёрт выскочил из башни, взвился кверху и сгинул быстрее молнии.

«Ну, — думает солдат, — наделал я дела; вся моя служба ни за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный суд и, чего доброго, заставят *сквозь строй* прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть».

Бросил ружьё и ранец на землю и пошёл куда глаза глядят.

Шёл он день, и другой, и третий: разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался:

«Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, каждый день по три фунта хлеба получал. Так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодною смертью. Эх, чёрт, всему ты виною!»

Вдруг откуда ни взялся — стал перед ним нечистый и спрашивает:

— Здравствуй, служивый! О чём горюешь?

— Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю.

— Не тужи, это дело поправное! — сказал чёрт.

Туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовёт его с собою:

— В моём доме будет тебе житьё привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми — больше мне ничего не надобно.

Солдат согласился. Чёрт подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принёс за тридевять земель, в тридесятое государство — в белокаменные палаты.

У чёрта было три дочери — собой красавицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости: известно — чёрт! На месте никогда не сидит, а всё по свету рыщет да людей смущает.

Остался солдат с красными девицами, и такое ему житьё вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят — неведомо. Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются.

«Ладно же, — думает солдат, — буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь!»

Вечером лёг солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждёт не дожждётся — что-то будет?

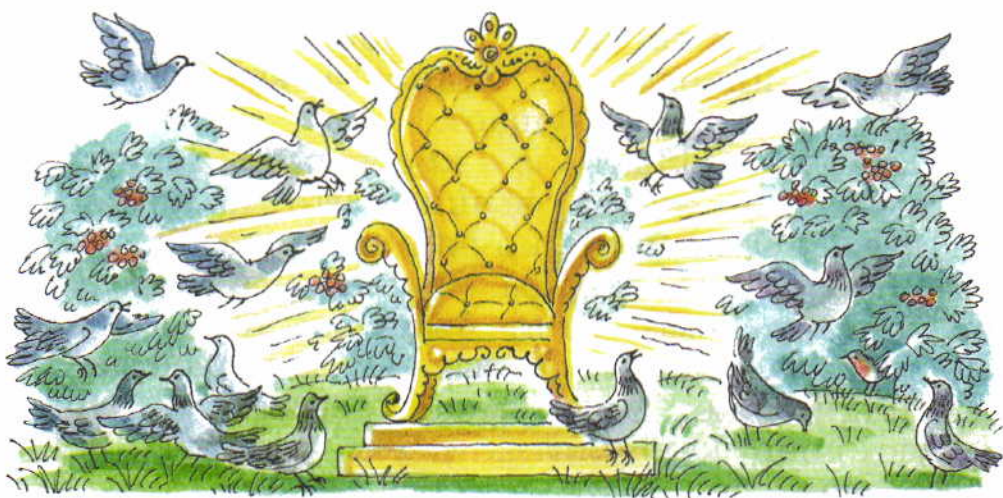
Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважину. Красные девицы принесли волшебный ковёр, разостлали по полу, ударились о тот ковёр и сделались голубками; вострепенулись и улетели в окошко.

«Что за диво! — думает солдат. — Дай-ка я попробую».

Вскочил в спальню, ударился о ковёр и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку.

Голубки опустилиь на зелёный луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда.

На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон.

Немного погода осияло и небо, и землю — летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев: на колеснице сидит королева Елена Премудрая — такой красы неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать!

Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу — и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зелёного луга и полетели каждая в свою сторону. Птичка малиновка вспорхнула вслед за тремя сёстрами и вместе с ними очутилась в спальне.

Голубки ударились о ковёр — сделались красными девицами, а малиновка ударилась — обернулась солдатом.

— Ты откуда? — спрашивают его девицы.

— А я с вами на зелёном лугу был, видел прекрасную королеву на золотом троне и слышал, как учила вас королева разным хитростям.

— Ну, счастье твоё, что уцелел! Ведь эта королева — Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была её волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала — и тогда не миновать тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зелёный луг, не дивись на Елену Премудрую, не то сложишь буйну голову.

Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает.

Дождался другой ночи, ударился о ковёр и сделался птичкой малиновкой. Прилетела малиновка на зелёный луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любит её красотой ненаглядною и думает: «Если бы такую жену добыть — ничего б в свете пожелать не осталось! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за ней и малиновка полетела.

Приехала королевна во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили её под руки и увели в расписные палаты. А птичка малиновка порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королевна целую ночь и глаз не смыкала — всё слушала.

Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом:

— Няньки, мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку малиновку!

Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку... Да куда им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в руки не даётся.

Не стерпела королева, выбежала в зелёный сад, хочет сама ловить птичку малиновку; подходит к кусту — птичка с ветки не трогается, сидит опустя крылышки, словно её дожидается. Обрадовалась королева, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне.

День прошёл, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зелёный луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель. Как только уснула королева, птичка малиновка обернулась мухой, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем.

Подошёл добрый молодец к королевниной кровати, смотрел, смотрел на красавицу, не выдержал и поцеловал её в уста сахарные. Видит — королева просыпается, обернулся поскорей мухой, влетел в клетку и стал птичкой малиновкой.

Елена Премудрая раскрыла глаза, глянула кругом — нет никого. «Видно, — думает, — мне во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула. А солдату

крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз — чутко спит королевна, после всякого поцелуя пробуждается.

На третий раз встала она с постели и говорит:

— Тут *что-нибудь да недаром*: дай-ка посмотрю в волшебную книгу.

Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка малиновка, а молодой солдат.

— Ах ты! — закричала Елена Премудрая. — Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь!

Нечего делать — вылетела птичка малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

— Нет тебе прощения! — сказала Елена Премудрая и крикнула палача рубить солдату голову.

Откуда ни взялся — стал перед ней великан с топором и с плахою, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к *плахе* и поднял топор. Вот махнёт королевна платком, и покатится молодецкая голова...

— Смилуйся, прекрасная королевна, — сказал солдат со слезами, — позволь напоследях песню спеть.

— Пой, да скорей!

Солдат затянул песню, такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату:

— Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать, велю рубить тебе голову.

Вышел солдат из дворца, забрёл в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился:

— Ах, дух нечистый! Всё из-за тебя пропадаю.

В ту ж минуту явился к нему чёрт:

— Что тебе, служивый, надобно?

— Эх, — говорит, — смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячуся?

Чёрт ударился о сыру землю и обернулся сизокрылым орлом:

— Садись, служивый, ко мне на спину, я тебя занесу в поднебесье.

Солдат сел на орла; орёл взвился кверху и залетел за облака-тучи чёрные.

Прошло пять часов. Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела — и всё словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом:

— Полно, орёл, летать по поднебесью; опускайся на низ — от меня ведь не укроешься.

Орёл опустился наземь.

Солдат пуще прежнего закручинился:

— Что теперь делать? Куда спрятаться?

— Постой, — говорит чёрт, — я тебе помогу.

Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавою, а сам сделался мышкою, схватил булаву в зубы, прокрался во дворец, нашёл волшебную книгу и воткнул в неё булаву.

Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела, смотрела — книга ничего не показывает; крепко рассердилась королевна

и швырнула её в печь. Булавка выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

Елена Премудрая взяла его за руку.

— Я, — говорит, — хитра, а ты и меня хитрей!

Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.

Сквозь строй — наказание палками.

Что-нибудь да недаром — что-то происходит; что-то не так.

Плáха — помóст для казни; здесь: обрубок бревна.

Возьмите в библиотеке книгу-сборник «Русские народные сказки» (любое издание). Найдите и прочитайте сказки, которые озаглавлены именами главных героинь.

Девушка и Месяц

Чукотская сказка

в обработке М.А. Булатова

Был среди чукчей человек с одной дочерью. Девушка — лучшая помощница отцу. Каждое лето стережёт она стадо далеко от своего *стойбища*, каждую зиму ещё дальше со стадом уходит. Только изредка ездит на своём упряжном олене-быке в стойбище за едой.

Однажды ночью её упряжной олень голову поднял, на небо глянул и говорит:

— Смотри, смотри!

Взглянула девушка на небо и видит: спускается Месяц на *нартах*, на двух оленях.

— Куда он? Зачем? — спрашивает девушка.

— Тебя утащить хочет! — говорит олень. Встревожилась девушка:

— Что делать? Унесёт меня к себе!

Упряжной олень копытом снег разбросал — ямка получилась. Говорит он:

— Садись скорее сюда!

Девушка села. Олень снегом её забросал. Нету девушки — одна снеговая кочка! Спустился Месяц с неба, остановил своих оленей, слез с нарт. Ходит, осматривает всё кругом — девушку ищет. Не может найти! К кочке подошёл, макушку увидел — догадаться не мог, что это такое.

— Что за диво? — говорит Месяц. — Куда девушка девалась? Не найти мне её! Уеду теперь, а потом опять спущусь. Тогда уж непременно найду её и к себе утащу!

Сел на свои нарты, понесли его олени на небо.

Только Месяц уехал, упряжной олень разгрёб снег.

Вышла девушка и говорит:

— Поедем скорее в стойбище! А то Месяц усмотрит — опять спустится. Тогда уж не спрятаться мне!

Села она на нарты. Понёсся её упряжной олень во весь опор. Примчались в стойбище. Вбежала девушка в *чум*. Отца в чуме нет. Кто поможет?..

Упряжной олень торопит:

— Прятаться надо, а то прискачет Месяц
вслед за нами!

— Куда же мне спрятаться?

— Я тебя превращу во что-нибудь! Мо-
жет быть, в каменную плаху!

— Узнает!

— Ну, жердью в чуме сделаю!

— Узнает!

— Ну, волоском в пологе!

— Узнает, узнает!

— Что же делать? Превращу тебя в све-
тильник!

— Хорошо! Хорошо!

— Ну, садись!

Села девушка. Олень копытом стукнул —
превратилась она в светильник. Горит све-
тильник ярко, весь чум освещает.

Только стала девушка светильником, а
Месяц опять обыскал всё её стадо и прим-
чался в стойбище.

Оленей своих привязал, вошёл в чум. Стал искать. Ищет, ищет — найти не может. Смотрит и между жердями, рассматривает всю утварь, каждый волосок на шкурах, каждый сучок под постелями, каждую частичку земли в шатре — нигде девушки нет!

А светильника не замечает, потому что светильник яркий и Месяц такой же яркий.

— Диво! — говорит Месяц. — Где же она? Видно, вернуться мне надо.

Вышел из чума, стал развязывать оленей. Развязал, уселся на нарты. Только собрался уезжать, а девушка выбежала, высунулась по пояс из полога, засмеялась, крикнула Месяцу:

— Вот я! Вот я!

Бросил Месяц оленей — опять в чум. А девушка опять превратилась в светильник.

Принялся Месяц искать. Ищет между сучками и между листьями, между шерстинками и между частицами земли — нигде девушки нет!

— О, что за диво! Где же она? Куда пропала? Видно, ни с чем придётся вернуться!

Только вышел из чума, стал развязывать оленей, а девушка высунулась по пояс из полога, смеётся, кричит:

— Вот я! Вот я!

Кинулся Месяц в чум, снова принялся искать.

Долго искал, всё перерыл, а найти не может...

От поисков устал он, похудел, ослабел. Еле-еле ногами переступает, еле-еле руки поднимает.

Тут уж девушка перестала бояться его. Приняла свой прежний облик, выскочила из чума, бросила Месяц на спину, связала ему руки и ноги.

— Ого! — говорит Месяц. — Убьёшь ты меня! Ну что ж, убивай, потому что я сам виноват — с Земли тебя утащить хотел. Только перед концом положи меня в полог, дай погреться, потому что озяб я...

Удивилась девушка:

— Как это ты озяб? Ты вечно на воле живёшь, чума у тебя нет, бездомный ты, оставайся и теперь снаружи! Какой полог тебе!

Стал Месяц упрашивать девушку:

— Если я вечно бездомный, отпусти меня наружу! Я буду забавой твоему народу. От-

пусти меня — я буду *за́метой* твоему народу! Отпусти меня — я буду превращать ночь в день! Отпусти меня — я твоему народу измерю год! Сперва я буду Месяцем старого быка, потом Месяцем рождения телят, потом Месяцем вод, потом Месяцем листьев, потом Месяцем тепла, потом Месяцем обдирания рогов, потом Месяцем любви у диких оленей, потом Месяцем первой зимы, потом Месяцем укорачивающихся дней...

— А когда выпущу, когда сильным станешь, когда окрепнут у тебя руки и ноги, — не будешь за мной приезжать?

— О, не стану! Забуду! Куда — очень уж ты смышлёная! Никогда больше не сойду с верхового пути! Отпусти — засвечу!

Отпустила — засветил.

Сто́йбище — селение, стоянка кочевников.

На́рты — узкие длинные сани, предназначенные для езды на собачьих или оленьих упряжках.

Чум — переносной дом у северных народов России (остов из шестов в виде конуса, покрытый оленьими шкурами).

За́мета — метка.

1. Прочитайте начало и конец сказки. Сравните с зачинами и концовками русских народных сказок.

2. Есть ли в вашей библиотеке книги со сказками народов России? Прочитайте. Какие особенности есть у этих сказок?

А.С. Пушкин

Бой Руслана с головой

Отрывок из поэмы

«Руслан и Людмила»

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленной землёй;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою тёмной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,
И что-то страшное храпит.
Он ближе к холму, ближе — слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясёт упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в тёмной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,

Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянной,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменье хочет он
Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилась пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь *ретивый*
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам *витязь* усидел,
И вслед раздался голос шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад, я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»

Руслан с презрением оглянулся,
Браздами удержал коня
И с гордым видом усмехнулся.
«Чего ты хочешь от меня? —
Нахмурясь, голова вскричала. —
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слышал я истину, бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!»

Тогда, от ярости немея,
Стеснённой злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напενясь, губы задрожали,
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослеплённый,
Он мчится вновь, изнеможённый,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражён, надежды нет!

А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясёт его рукой свободной,
И, задрожав, *булат* холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного *зева*
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишаась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела
В спокойном духе горячась <...>

Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С подъятой, грозною десницей
И в щёку тяжелой рукавицей
С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете весёлом
Его схватил и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумлённый, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нём гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падёт
В душе, молением усмирённой:
Так на долине тает лёд,
Лучом полудня поражённый.

«Ты вразумил меня, герой, —
Со вздохом голова сказала, —
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;

Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача *жребий* мой.
И я был витязь удалой!
В кровавых битвах *супостата*
Себе я равного *не зрел*;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рождённый карлой, с бороною,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умён как бес — и зол ужасно.
Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила *роковая*,
И, всё на свете презирая,
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.
Вот он однажды с видом дружбы
«Послушай, — хитро мне сказал, —
Не откажись от важной службы:
Я в чёрных книгах отыскал,
Что за восточными горами,
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же? страх!

Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретение
Сего созданья злых духов!»
«Ну, что же? где же затрудненье? —
Сказал я карле, — я готов;
Иду, хоть за пределы света».
И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея брата посадил;
Пустился в дальнюю дорогу,
Шагал, шагал и, слава Богу,
Как бы пророчеству назло,
Всё счастливо сначала шло.
За отдалёнными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками
И потаённый меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чём!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Брались долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
«Оставим бесполезный спор, —
Сказал мне важно Черномор, —
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;

Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.
К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба».
Сказал и лёг на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов *тёрнием* оброс;

Вдали, в стране, людьми забвенной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенёс
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! Ты храним судьбою,
Возьми его, и Бог с тобою!
Быть может, на своём пути
Ты карлу-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощёчину забуду».

Ретівый (конь) — горячий, пылкий.

Ві́тязь — воин-богатырь.

Бразды́ — удила́, часть сбруи коня.

Була́т — здесь: стальной меч.

Зев — пасть, рот.

Десни́ца — правая рука.

Жре́бий — участь, рок, судьба.

Супоста́т — захватчик, враг.

Не зрел — не видел.

Рокова́я (сила) — неизбежная, предопределённая судьбой.

Те́рние — колючая сорная трава.

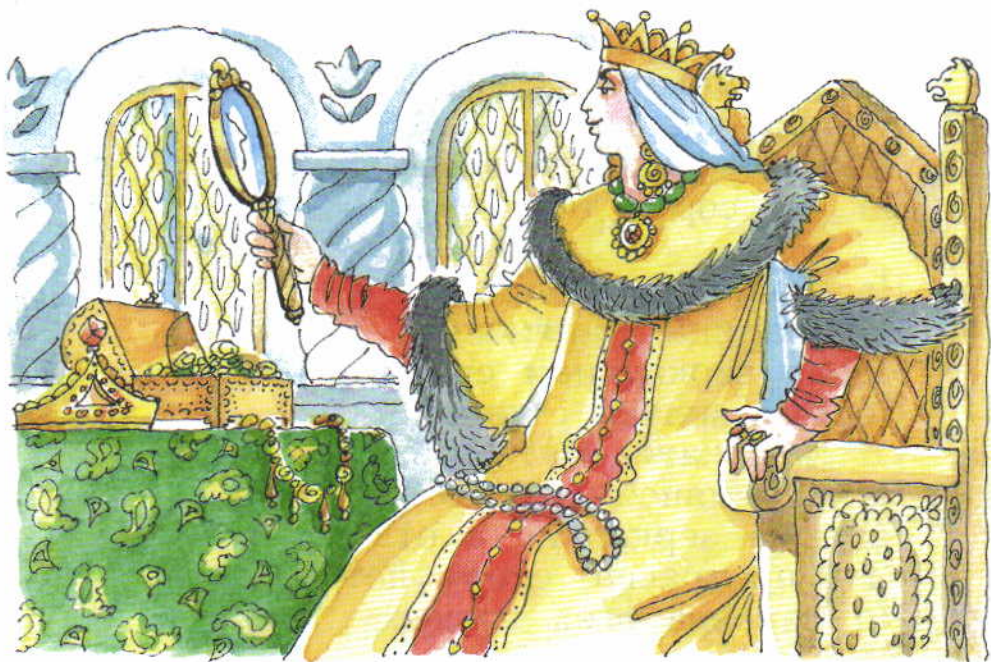
1. Какое впечатление на вас произвела история заколдованного витязя?
2. Прочитайте выразительно сцену «Встреча Руслана с головой».

А.С. Пушкин
**Сказка о мёртвой царевне
и о семи богатырях**

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в *сочельник* в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошёл как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица

Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

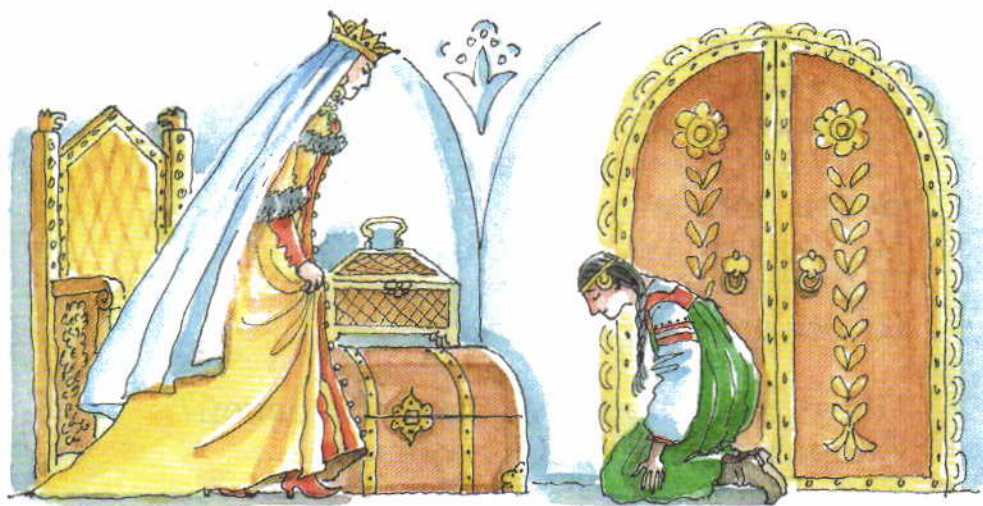
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».

Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врёшь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всём меня милей?
Признавайся: всех я краше,
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царица всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сénной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Чёрт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла

И в такую даль свела,
Что царица догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей царица, —
Где красавица-девица?» —
«Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она, —
Крепко связаны ей локти;
Попадётся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

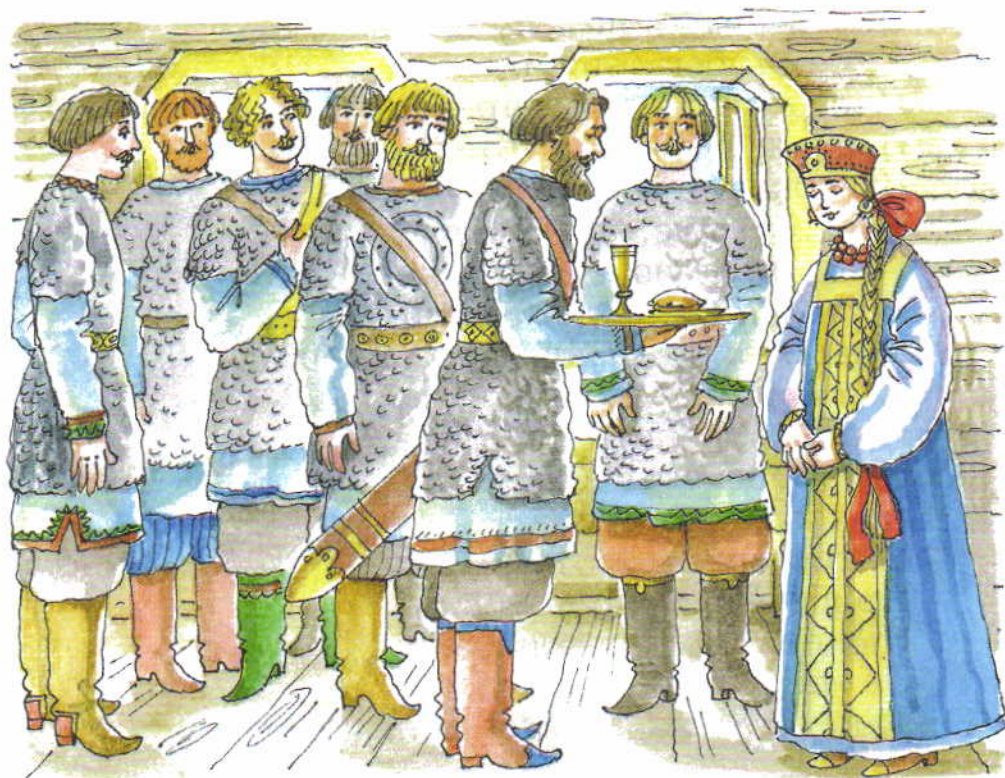
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку,

Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полну наливали,

На подносе подавали.
От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую *светлицу*
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днём идёт, мелькая,
А царевна молодая

Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так Бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сestroю.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?

Аль товар не по купцам?»
«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть Бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил, поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,
Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И царица налетела

На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чём!..»
Та призналася во всём:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пёс залаял, и девица
Видит: нищая *черница*
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитяtko девица!
Пёс проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». — Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдёт старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выпался он худо, —

Ей царевна говорит, —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала:
«Благодарствую, — сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пёс как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед».

Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце пёсье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

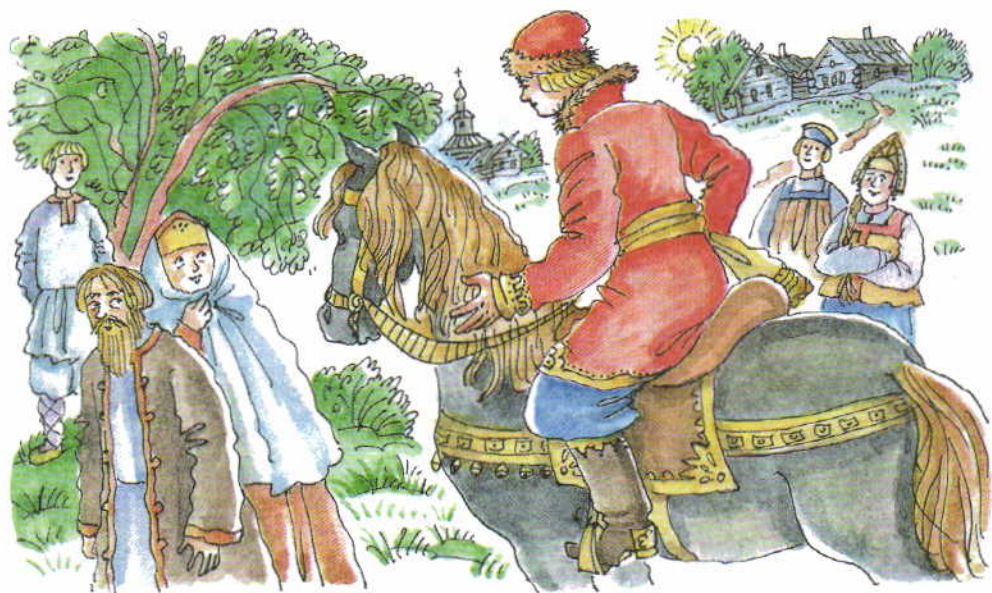
Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили, — печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там

Осторожно привинтили
И решёткой оградили;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеётся,
Кто скорее отвернётся;

К красну солнцу наконец
Обратился молодец:
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с тёплой весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил
Или след её заметил».

Тёмной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался:
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаёшь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Братец мой, —
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою

Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала». — «Как обидно!» —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?

Я жених её». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошёл к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.

Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встаёт она из гроба...
Ах!... и зарыдали оба.
В руки он её берёт
И на свет из тьмы несёт,
И, беседа приятно,
В путь пускаются обратно,

И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним.
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

Сочельник — канун Рождества и Крещения.

Сénная девушка — горничная.

Светлѝца — светлая, нарядная комната.

Сорочѝн — разбойник.

Чернѝца — здесь: нищая женщина.

Возьмите в библиотеке книги с этой сказкой, изданные в разное время. Рассмотрите иллюстрации, найдите и прочитайте фамилии художников.

Э.Г. Бабаев

«Там лес и дол видений полны»

Сказки Пушкина! Это первые наши книги. Лучшие. С них начинается наша любовь к русской поэзии. А когда я впервые прочитал сказки Пушкина? Очень давно, когда я ещё не умел читать. Сначала я только слушал, запоминал стихи, как музыку. Потом завладел книжками и стал читать сам... По картинкам.

Слова как бы сами собой приходили на память: «У лукоморья дуб зелёный; золотая цепь на дубе том...» Иначе ведь никак не скажешь. А это и есть стихи.

Пушкинская сказка летит «через леса, через моря». Она летит и «в облаках перед народом». И с высоты ей открываются и синее море, возле которого рыбак расстилает сети, и тёмная чаща, где играют медвежата.

Пушкин писал не просто сказки, а сказки в стихах. И сразу начиналась увлекательная игра, как в детском театре. Каждое слово звучит громко и далеко слышно. В этом театре зрители — дети, а может быть, и главные роли они сами исполняют.

Царь Салтан, например, которого одного не отпускают в путешествие, вдруг рассер-

дился и воскликнул: «Что я? Царь или дитя?.. Нынче ж еду! — тут он топнул, вышел вон и дверью хлопнул». Как мальчишка какой!

В каждой новой сказке стих Пушкина звучит по-новому. В «Сказке о царе Салтане» поднятые паруса, ритм движения быстрый и свободный: «Ветер весело шумит, судно весело бежит». Даже белка там поёт песенку «с присвисточкой».

В «Сказке о мёртвой царевне» стих превращается в ветер, и мы слышим его протяжные вздохи и видим, как тучи бегут по небу: «Ветер, ветер! Ты могу-уч, ты гоняешь ста-и ту-уч». Звуки в стихах изменяются не случайно. Они не только говорят о том или ином предмете, но и изображают его так, что мы видим всё яснее, чем обычно. Как только появляется месяц, и звуки становятся круглыми: «ты встаёшь во тьме глубокой, круглолицый, светлоокий...»

В «Сказке о золотом петушке» стих Пушкина звучит отрывисто и резко: «Петушок с высокой спицы стал стеречь его границы». Здесь слышится сторожевой крик петушка. Он кричит: «Кири-ку-ку. Царствуй, лёжа на боку!»

А в «Сказке о рыбаке и рыбке» словно волны шумят. В конце стихов нет рифм, и вся строка читается неторопливо: «Вот пошёл он к синему морю; видит, — море слегка разыгралось...»

В «Сказке о попе и о работнике его Балде» строки неровные, то длинные, то короткие:

исчезает музыкальный ритм, но появляется насмешливая скороговорка с крепкими, как в пословицах, рифмами: «А Балда приговаривал с укоризной: „Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной“». Как будто эту сказку с прибаутками сам работник рассказывает.

«Сказка о медведихе» — «Как весенней тёплой порою...» — написана былинным размером, медлительным и мощным, каким-то корневым стихом. И слышно, как лес шатается и в глубокой чаще медведь ревёт: «Не звоны пошли по городу, пошли вести по всему по лесу».

Пушкин любил справедливость. Он всегда на стороне своих добрых героев. Скупой поп считал своего работника балдой и хотел обмануть его, спровадить к старому бесу, чтобы избежать расчёта и погубить его. Но работник был человек умный и умелый: «Дó светла всё у него пляшет, лошадь запряжёт, полосу вспашет». Он выполнил всё, что обещал. Заставил же он поплясать под свою дудку и старого и молодого беса, а заодно с ними и своего лукавого хозяина.

И в «Сказке о рыбаке и рыбке» старуха *помыкала* своим добрым стариком, требовала от него то одно, то другое, и всего ей было мало. Она пожелала даже, чтобы сама золотая рыбка была у неё на посылках. И море нахмурилось, помутилось, стало беспокойным, а потом разгневалось и почернело. И осталась старуха у своего разбитого корыта.

А царь в «Сказке о золотом петушке» не сдержал своего слова, не выполнил обе-

щания. Он забыл и своих сыновей, погибших в бесславном поединке друг с другом. И сам захотел завладеть Шамаханской царицей. «Я, конечно, обещал, но всему же есть граница», — говорит он звездочёту, не замечая, что тем самым он отрекается от самого себя. И золотой петушок, который должен был оберегать его от врагов, «спорхнул со спицы» и «царю на темя сел», потому что в эту минуту Дадон был сам себе самым страшным врагом.

Читая сказки Пушкина, видишь перед собой яркие картины, написанные драгоценными красками. В них цвет горячий: красный, золотой, зелёный, или холодный: синий, хрустальный, серебряный. «Град на острове стоит, с златоглавыми церквями, с теремами и садами; ель растёт перед дворцом, а под ней хрустальный дом».

И герои пушкинских сказок — и золотая рыбка, и тридцать три богатыря — «в чешуе, как жар горя» — излучают тепло и свет.

Сказки Пушкина можно не только слушать и читать, но и рассматривать.

Перед нами проходит сначала целая вереница волшебных героев. Потом идут «семейственные», домашние поэмы — «Сказка о царе Салтане» и о «Мёртвой царевне». Рядом с волшебным существом — золотой рыбкой — появляется бедный рыбак у синего моря.

Дальше нет уже ни дворцов, ни палат. Балда, поп да морские черти. Последняя сказка — самая жалостная — «о медведихе».

Из приходящих поплакать к медведю зверей получилась живая цепочка. Это настоящий маскарад зверей: волк — *дворянин*, бобёр — богатый *гость*, лисица — *подьячиха*, горностаюшка — *скоморох*. Они как бы продолжают вереницу «Лукоморья».

Так возникает перед нами огромный цветной мир: «там лес и дол видений полны».

Помыкала — командовала.

Дворянин — звание знатного человека.

Гость — здесь: купец.

Подьячиха — жена подьячего, помощника дьяка.

Скоморох — бродячий музыкант, шут.

Есть ли в вашей домашней библиотеке книги со сказками А.С. Пушкина? Найдите и рассмотрите их. Какую сказку вы ещё не знаете? Прочитайте её.

Послушайте

Л.Н. Толстой

**Работник Емельян
и пустой барабан**

Жил Емельян у хозяина в рабочих. Идёт раз Емельян по лугу на работу, глядь — прыгает перед ним лягушка; чуть-чуть не наступил на неё. Перешагнул через неё Емельян. Вдруг слышит, кличет его

кто-то сзади. Оглянулся Емельян, видит — стоит красавица девица и говорит ему:

— Что ты, Емельян, не женишься?

— Как мне, девица милая, жениться? Я весь тут, нет у меня ничего, никто за меня не пойдёт.

И говорит девица:

— Возьми меня замуж!

Полюбилась Емельяну девица.

— Я, — говорит, — с радостью, да где мы жить будем?

— Есть, — говорит девица, — о чём думать! Только бы побольше работать да поменьше спать — а то везде и одеты и сыты будем.

— Ну что ж, — говорит, — ладно. Женимся. Куда ж пойдём?

— Пойдём в город.

Пошёл Емельян с девицей в город. Свела его девица в домишко небольшой, на краю. Женились и стали жить.

Ехал раз царь за город. Проезжает мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотреть царя. Увидал её царь, удивился: «Где такая красавица родилась?» Остановил царь коляску, подозвал жену Емельяна, стал её спрашивать:

— Кто, — говорит, — ты?

— Мужика Емельяна жена, — говорит.

— Зачем ты, — говорит, — такая красавица, за мужика пошла? Тебе бы царицей быть.

— Благодарю, — говорит, — на ласковом слове. Мне и за мужиком хорошо.

Поговорил с ней царь и поехал дальше. Вернулся во дворец. Не идёт у него из головы Емельянова жена. Всю ночь не спал, всё думал он, как бы ему у Емельяна жену отнять. Не мог придумать, как сделать. Позвал своих слуг, велел им придумать. И сказали слуги царские царю:

— Возьми ты, — говорят, — Емельяна к себе во дворец в работники. Мы его работой замучаем, жена вдовой останется, тогда её взять можно будет.

Сделал так царь, послал за Емельяном, чтобы шёл к нему в царский дворец, в дворники, и у него во дворе с женой жил.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говорит мужу:

— Что ж, — говорит, — иди. День работай, а ночью ко мне приходи.

Пошёл Емельян. Приходит во дворец; царский приказчик и спрашивает его:

— Что ж ты один пришёл, без жены?

— Что ж мне, — говорит, — её водить: у неё дом есть.

Задали Емельяну на царском дворе работу такую, что двоим впору. Взялся Емельян за работу и не чаял всё кончить. Глядь, раньше вечера всё кончил. Увидал приказчик, что кончил, задал ему на завтра вчетверо.

Пришёл Емельян домой. А дома у него всё выметено, прибрано, печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидит за станом, ткёт, мужа ждёт. Встретила жена мужа; собрала ужинать, накормила, напоила; стала его про работу спрашивать.

— Да что, — говорит, — плохо: не по силам уроки задают, замучают они меня работой.

— А ты, — говорит, — не думай об работе и назад не оглядывайся и вперёд не гляди, много ли сделал и много ли осталось. Только работай. Всё вовремя успеет.

Лёг спать Емельян. Наутро опять пошёл. Взялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь — к вечеру всё готово, засветло пришёл домой ночевать.

Стали ещё и ещё набавлять работу Емельяну, и всё к сроку кончает Емельян, ходит домой ночевать. Прошла неделя. Видят слуги царские, что не могут они чёрной работой донять мужика; стали ему хитрые работы задавать. И тем не могут донять. И плотницкую, и каменную, и кровельную работу — что ни зададут — всё делает к сроку Емельян, к жене ночевать идёт. Прошла другая неделя. Позвал царь своих слуг и говорит:

— Или я вас задаром хлебом кормлю? Две недели прошло, а всё ничего я от вас не вижу. Хотели вы Емельяна работой замучать, а я из окна вижу, как он каждый день идёт домой, песни поёт. Или вы надо мной смеяться вздумали?

Стали царские слуги оправдываться.

— Мы, — говорят, — всеми силами старались его сперва чёрной работой замучать, да ничем не возьмёшь его. Всякое дело как метлою метёт, и устали в нём нет. Стали мы ему хитрые работы задавать, думали, у него ума неостанет, тоже не можем донять. Откуда что берётся! До всего доходит, всё делает. Не иначе как либо в нём самом, либо в жене его колдовство есть. Он нам и самим надоел. Хотим мы теперь ему такое дело задать, чтобы нельзя было ему сделать. Придумали мы ему велеть в один день со-

бор построить. Призови ты Емельяна и вели ему в один день против дворца собор построить. А не построит он, тогда можно ему за ослушание голову отрубить.

Послал царь за Емельяном.

— Ну, — говорит, — вот тебе мой приказ: построй ты мне новый собор против дворца на площади, чтоб к завтраму к вечеру готово было. Построишь — я тебя награжу, а не построишь — казню.

Отслушал Емельян речи царские, повернулся, пошёл домой. «Ну, — думает, — пришёл мой конец теперь». Пришёл домой к жене и говорит:

— Ну, — говорит, — собирайся, жена: бежать надо куда попало, а то ни за что пропадём.

— Что ж, — говорит, — так заробел, что бежать хочешь?

— Как же, — говорит, — не заработать? Велел мне царь завтра в один день собор построить. А если не построю, грозитя голову отрубить. Одно остаётся — бежать, пока время.

Не приняла жена этих речей.

— У царя солдат много, повсюду поймают. От него не уйдёшь. А пока сила есть, слушаться надо.

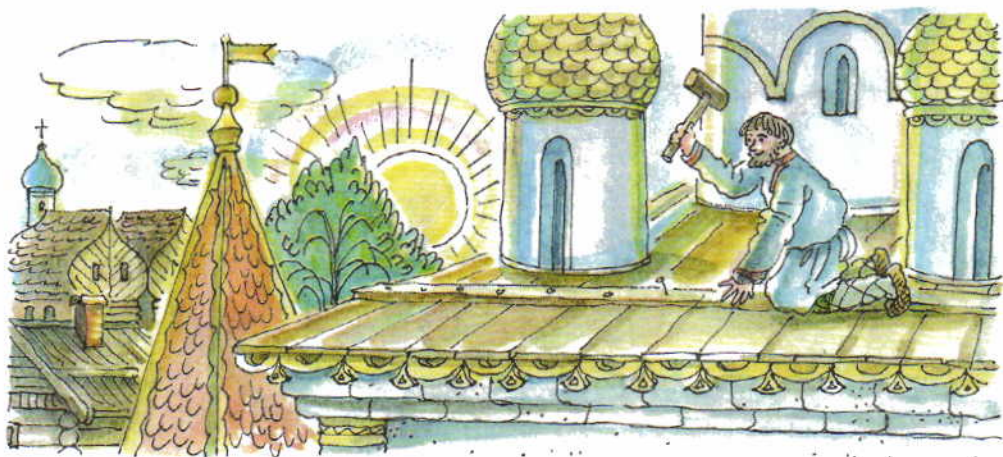
— Да как же слушаться, когда не по силам?

— И... батюшка! не тужи, поужинай да ложись; наутро вставай пораньше, всё успеешь.

Лёг Емельян спать. Разбудила его жена.

— Ступай, — говорит, — скорей достраивай собор; вот тебе гвозди и молоток: там тебе на день работы осталось.

Пошёл Емельян в город, приходит — точно, новый собор посередь площади стоит. Немного не кончен. Стал доделывать Емельян, где надо: к вечеру всё исправил.

Проснулся царь, посмотрел из дворца, видит — собор стоит. Емельян похаживает, кое-где гвоздики приколачивает. И не рад царь собору, досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жену отнять.

Опять призывает царь своих слуг:

— Исполнил Емельян и эту задачу, не за что его казнить. Мала, — говорит, — и эта ему задача. Надо что похитрей выдумать. Придумайте, а то я вас прежде его расскажню.

И придумали его слуги, чтобы заказал он Емельяну реку сделать, чтобы текла река вокруг дворца, а по ней бы корабли плавали. Призвал царь Емельяна, приказал ему новое дело.

— Если ты, — говорит, — в одну ночь мог собор построить, так можешь ты и это дело сделать. Чтобы завтра было всё по моему приказу готово. А не будет готово, голову отрублю.

Опечалился ещё пуще Емельян, пришёл к жене сумрачный.

— Что, — говорит жена, — опечалился, или ещё новое что царь заказал?

Рассказал ей Емельян.

— Надо, — говорит, — бежать.

А жена говорит:

— Не убежишь от солдат, везде поймают. Надо слушаться.

— Да как слушаться-то?

— И... — говорит, — батюшка, ни о чём не тужи. Поужинай да спать ложись. А вставай пораньше, всё будет к поре.

Лёг Емельян спать. Поутру разбудила его жена.

— Иди, — говорит, — ко дворцу, всё готово. Только у пристани, против дворца, бугорок остался; возьми *заступ*, сровняй.

Пошёл Емельян; приходит в город; вокруг дворца река, корабли плавают. Подошёл Емельян к пристани против дворца, видит — неровное место, стал ровнять.

Проснулся царь, видит — река, где не было; по реке корабли плавают и Емельян бугорок заступом ровняет. Ужаснулся царь; и не рад он и реке и кораблям, а досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думает себе: «Нет такой задачи, чтоб он не сделал. Как теперь быть?»

Призвал слуг своих, стал с ними думать.

— Придумайте, — говорит, — мне такую задачу, чтобы не под силу было Емельяну. А то, что мы ни выдумывали, он всё сделал, и нельзя мне у него жены отобрать.

Думали, думали придворные и придумали. Пришли к царю и говорят:

— Надо Емельяна позвать и сказать: по-ди туда — не знай куда, и принеси того — не знай чего. Тут уж ему нельзя будет от-вертеться. Куда бы он ни пошёл, ты ска-жешь, что он не туда пошёл, куда надо; и чего бы он ни принёс, ты скажешь, что не то принёс, чего надо. Тогда его и казнить можно и жену его взять.

Обрадовался царь:

— Это, — говорит, — вы умно придумали.

Послал царь за Емельяном и сказал ему:

— Поди туда — не знай куда, принеси того — не знай чего. А не принесёшь, отрублю тебе голову.

Пришёл Емельян к жене и говорит, что ему царь сказал. Задумалась жена:

— Ну, — говорит, — на его голову научили царя. Теперь умно делать надо.

Посидела, посидела, подумала жена и стала говорить мужу:

— Идти тебе надо далеко, к нашей бабушке к старинной, мужицкой, солдатской матери, надо её милости просить. А получишь от неё штуку, иди прямо во дворец, и я там буду. Теперь уж мне их рук не миновать. Они меня силой возьмут, да только ненадолго. Если всё сделаешь, как бабушка тебе велит, ты меня скоро выручишь.

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала веретёнце.

— Вот это, — говорит, — ей отдай. По этому она узнает, что ты мой муж.

Показала жена ему дорогу. Пошёл Емельян, вышел за город, видит — солдаты учатся. Постоял, посмотрел Емельян. Поучились солдаты, сели отдохнуть. Подошёл к ним Емельян и спрашивает.

— Не знаете ли, братцы, где идти туда — не знай куда, и как принести того — не знай чего?

Услыхали это солдаты и удивились.

— Кто, — говорят, — тебя послал искать?

— Царь, — говорит.

— Мы сами, — говорят, — вот с самого солдатства ходим туда — не знай куда, да не можем дойти, и ищем того — не знай чего, да не можем найти. Не можем тебе пособить.

Посидел Емельян с солдатами, пошёл дальше. Шёл, шёл, приходит в лес. В лесу избушка. В избушке старая старуха сидит, мужицкая, солдатская мать, кудельку прядёт, сама плачет и пальцы не во рту слюнями, а в глазах слезами мочит. Увидала старуха Емельяна, закричала на него:

— Чего пришёл?

Подавал ей Емельян веретёнце и сказал, что его жена прислала. Сейчас помягчала старуха, стала спрашивать. И стал Емельян рассказывать всю свою жизнь, как он на девице женился, как перешёл в город жить, как его к царю в дворники взяли, как он во дворце служил, как собор построил и реку с кораблями сделал и как ему теперь царь велел идти туда — не знай куда, принести того — не знай чего.

Отслушала старушка и перестала плакать. Стала сама с собою бормотать:

— Дошло, видно, время. Ну, ладно, — говорит, — садись, сынок, поешь.

Поел Емельян, и стала старуха ему говорить:

— Вот тебе, — говорит, — клубок. Покажи ты его перед собой и иди за ним, куда он катиться будет. Идти тебе будет далеко, до самого моря. Придешь к морю, увидишь город большой. Войди в город, просись в крайний двор ночевать. Тут и ищи того, что тебе нужно.

— Как же я, бабушка, его узнаю?

— А когда увидишь то, чего лучше отца, матери слушают, оно то и есть. Хватай и неси к царю. Принесешь к царю, он тебе скажет, что не то ты принёс, что надо. А ты тогда скажи: «Коли не то, так разбить его надо», — да ударь по штуке по этой, а потом снеси её к реке, разбей и брось в воду. Тогда и жену вернёшь, и мои слёзы осушишь.

Простился с бабушкой, пошёл Емельян, покатил клубок. Катил, катил — привёл его клубок к морю. У моря город большой. С краю высокий дом. Попросился Емельян в дом ночевать. Пустили. Лёг спать. Утром рано проснулся, слышит — отец поднялся, будит сына, посылает дров рубить. И не слушается сын.

— Рано ещё, — говорит, — успею.

Слышит — мать с печки говорит:

— Иди, сынок, у отца кости болят. Разве ему самому идти? Пора.

Только почмокал губами сын и опять заснул. Только заснул, вдруг загремело, затрещало что-то на улице. Вскочил сын, оделся и выбежал на улицу. Вскочил и Емельян, побежал за ним смотреть, что такое гремит и чего сын лучше отца, матери послушался.

Выбежал Емельян, видит — ходит по улице человек, носит на пузе штуку круглую, бьёт по ней палками. Она-то и гремит; её-то сын и послушался. Подбежал Емельян, стал смотреть штуку. Видит: круглая, как кадушка, с обоих боков кожей затянута. Стал он спрашивать, как она зовётся.

— Барабан, — говорят.

— А что же он — пустой?

— Пустой, — говорят.

Подивился Емельян и стал просить себе эту штуку. Не дали ему. Перестал Емельян просить, стал ходить за барабанщиком. Целый день ходил, и, когда лёг спать барабанщик, схватил у него Емельян барабан и убежал с ним. Бежал, бежал, пришёл домой в свой город. Думал жену повидать, а её уж нет. На другой день её к царю увели.

Пошёл Емельян во дворец, велел об себе доложить: пришёл, мол, тот, что ходил туда — не знай куда, принёс того — не знай чего. Царю доложили. Велел царь Емельяну завтра прийти. Стал просить Емельян, чтобы опять доложили.

— Я, — говорит, — нынче пришёл, принёс, что велел, пусть ко мне царь выйдет, а то я сам пойду.

Вышел царь.

— Где, — говорит, — ты был?

Он сказал.

— Не там, — говорит. — А что принёс?

Хотел показать Емельян, да не стал смотреть царь.

— Не то, — говорит.

— А не то, — говорит, — так разбить его надо, и чёрт с ним.

Вышел Емельян из дворца с барабаном и ударил по нём. Как ударил, собралось всё войско царское к Емельяну. Емельяну честь отдают, от него приказа ждут. Стал на своё войско из окна царь кричать, чтобы они не шли за Емельяном. Не слушают царя, все за Емельяном идут. Увидал это царь, велел к Емельяну жену вывести и стал просить, чтоб он ему барабан отдал.

— Не могу, — говорит Емельян. — Мне, — говорит, — его разбить велено и *оскрётки* в реку бросить.

Подошёл Емельян с барабаном к реке, и все солдаты за ним пришли. Пробил Емельян у реки барабан, разломал в щепки, бросил его в реку — и разбежались все солдаты. А Емельян взял жену и повёл к себе в дом.

И с тех пор царь перестал его тревожить. И стал он жить-поживать, добро наживать, а худо — проживать.

Прика́зчик — управляющий делами.
Стан — здесь: ткацкий станок.
За́ступ — железная лопата.
Оскре́тки — обломки, остатки.

Возьмите в библиотеке книгу «Русские народные сказки в обработке Л.Н. Толстого» (любое издание). Какие сказки из этого сборника вам незнакомы? Прочитайте их.

Л.Н. Толстой
Ореховая ветка

Жил богатый купец, и было у него три дочери. Собрался он ехать за товаром и спросил у дочерей, что им привезти. Старшая попросила бусы. Вторая попросила колечко, а меньшая говорит:

— Мне ничего не нужно. Если вспомнишь обо мне, то привези ореховую ветку.

Купец уехал, сделал свои дела и купил старшей дочери бусы, второй — колечко. Едет он уже назад через большой лес и вспомнил, что меньшая ничего не просила, только ореховую ветку, и слез с повозки, и пошёл сорвать ореховую ветку. Вдруг видит — ореховая ветка, и не простая, а на ней золотые орехи. Купец и думает: «Вот и моей меньшей умнице подарок», — нагнул ветку и сломил.

Вдруг, откуда ни взялся, медведь; схватил купца за руку и говорит:

— Ты как смел мою ветку ломать? Теперь я тебя съем.

Купец испугался и говорит:

— Я бы не взял ветки, да меньшая дочь просила меня.

Медведь и говорит:

— Иди же домой, но помни: тот, кто тебя дома первый встретит, того ты мне отдай.

Купец обещался, и медведь отпустил его. Купец поехал дальше и приехал домой. Только въехал во двор, бежит навстречу его любимая — меньшая дочь. Купец вспомнил, что он обещал медведю того, кто его первый встретит, так и обмер.

Рассказал купец всё, что с ним было и что надо меньшую дочь медведю отдать. Стали все плакать. А мать говорит:

— Не плачьте, я знаю, что сделать. Когда медведь придёт за нашей дочкой, мы нарядим пастухову дочь и отдадим её вместо своей.

Раз сидят все дома и видят, что едет на дворе карета. Стали смотреть. Видят: из кареты вышел медведь. Вошёл медведь к купцу и говорит:

— Давай дочь!

Купец не знает, что сказать. А мать догадалась, снарядила пастухову дочь и привела медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Только отъехали, медведь зарычал и хотел съесть пастухову дочь. Тогда она призналась, что она пастухова, а не купцова дочь. Медведь вернулся к купцу и говорит:

— Ты меня обманул, давай настоящую дочь.

Поплакали, одели дочь, простились с нею и отдали медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Ехали они, ехали; приехали в большой лес и остановились. Медведь вылез из кареты и сказал:

— Вот наш дом, иди за мной.

Медведь влез в яму, девочка вошла за ним. Потом отворил медведь большую дверь, ввёл девочку в тёмный подвал и говорит:

— Иди за мной.

Девочка дрожала от страха и думала, что её конец пришёл, а всё-таки шла за медведем. Вдруг затрещало что-то, как гром, стало светло, и девочка видит, что она не в подвале, а в богатом дворце: светло, музыка играет, и нарядные люди её встречают и ей кланяются, а рядом с ней молодой князь. Князь подошёл к ней и сказал:

— Я не медведь, а князь и хочу на тебе жениться.

Тогда послали за отцом и матерью, позвали гостей и сыграли свадьбу. Жили они счастливо и всегда берегли ореховую ветку.

Объясните пословицу «Уговор дороже денег».

А. Сергеев

**Как Л.Н. Толстой рассказывал
сказку об огурцах**

Лев Николаевич Толстой всю свою жизнь очень любил детей: и самых маленьких, и более старших, всегда проводил с ними много времени: зимою катался на коньках или на санках с гор, ходил на лыжах, а летом гулял по полям, лесам, собирал с ними цветы, ягоды, грибы. И всегда он им что-нибудь рассказывал. И чего только не рассказывал! И про себя, какой маленький был, и как в молодости на Кавказе жил, и про своих родителей и знакомых, и всевозможные истории, и басни, и сказки. И дети могли слушать его сколько угодно; слушали бы и слушали, потому что уж очень он интересно, занятно про всё рассказывал.

Любили дети одну его особенную сказку — об огурцах. Он рассказывал её и тогда, когда был молодым, и стариком. В последний раз — когда ему шёл восемьдесят второй год.

Это было 18 сентября 1909 года в сельской местности Крёкшино, под Москвою.

Лев Николаевич сидел возле дома на длинной садовой скамье. На нём было тёмное осеннее пальто, серая шляпа, в руке он держал палку, с которой только что пришёл с

прогулки. Рядом с ним сидели его внуки, брат и сестра: Сонечка девяти лет и Илюшок семи лет. Он взглянул на них и бодрым, звучным голосом спросил:

— А хотите, я вам сказку расскажу?

— Хотим, дедушка, хотим! Расскажи, дедушка, расскажи!

— Ну хорошо, расскажу! Слушайте! Только внимательно слушайте!

Он сделал серьёзное лицо, немного приподнял голову, посмотрел в сторону, как будто собирался с мыслями. Сонечка и Илюшок насторожились.

— Сказка про одного мальчика и семь огурцов, — объявил Лев Николаевич.

Сонечка и Илюшок затаили дыхание.

Лев Николаевич перевёл глаза на них и уже до самого конца сказки всё время смотрел на внуков.

— Жил-был на свете один мальчик... — начал он и замолк. — И пошёл раз этот мальчик в огород... — Опять Лев Николаевич умолк.

Глаза у Сонечки и Илюшка всё больше и больше разгорались от любопытства.

— Пошёл раз этот мальчик в огород и увидел — лежит... лежит маленький огурчик, ма-а-аленький! — проговорил Лев Николаевич тонким, тихим голосом и пригнулся к Илюшку, вплотную около него сидевшему. Своим сгорбленным видом он хотел показать, какой огурчик был маленький.

До чего же Лев Николаевич удивлялся, что огурчик такой маленький! Он даже ши-

роко раскрыл глаза, приподнял брови, а между указательными пальцами обеих рук показал расстояние сантиметра в четыре и, всё удивляясь, проговорил:

— Вот такой!

Сонечка и Илюшок наклонились над его пальцами, как будто в самом деле между ними увидели огурчик.

Лев Николаевич продолжал:

— Нагнулся мальчик... сорвал огурчик... — Лев Николаевич поднял к своему лицу правую руку, точно в самом деле с огурцом. — Посмотрел мальчик... — Лев Николаевич повернул руку в одну, в другую сторону и чмокнул губами. — Огурчик хорошенький-хорошенький, зелёненький-зелёненький, све-е-женький!

Лев Николаевич приблизил руку ко рту, слегка приоткрыл губы, сказал «Хап!» — и как будто сунул огурчик в рот; затем закрыл рот и, сжав губы, сидел не двигаясь.

— И всё? — с огорчением спросил Илюшок.

— Молчи! Слушай! — строго сказала Сонечка.

Лев Николаевич вдруг задвигал ртом и щеками, как будто стал жевать, и послышался удивительный звук: хруст, совершенно такой же хруст, какой бывает, когда едят настоящие огурцы: «Хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь!»

— Дедушка, а у тебя во рту ведь неправдашний огурец! — вскрикнул Илюшок. — Открой, дедушка, рот!

Лев Николаевич встряхнул головой и махнул рукой: нельзя, мол, открыть рта — огурец выпадет.

— Конечно, взаправдашний! — говорил Илюшок. — Только откуда он взялся?

Лев Николаевич перестал жевать, и вдруг послышался звук проглатывания: огурец был съеден.

— Конечно, взаправдашний! Взаправдашний! — повторял Илюшок.

Лев Николаевич проговорил:

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит второй огурец. Нагнулся мальчик. Сорвал огурец... — Лев Николаевич опустил вниз руку, как бы срывая огурец. — Огурчик красивенький-красивенький, крупненький, с белыми пупырышками! Вот такой! — сказал Лев Николаевич и, раздвинув пальцы сантиметров на девять, пригнулся к Илюшку, чтобы опять всем своим видом показать, какой огурчик был маленький.

Илюшок весело и внимательно следил за пальцами Льва Николаевича. А Сонечка смотрела не на руки, а на лицо дедушки: такое интересное было у дедушки лицо — оно у него прямо всё играло, и ей хотелось только на него смотреть.

Лев Николаевич поднял руку и сиял от восторга.

— Хап! — произнёс он. На этот раз он положил в рот не весь целиком огурец, а как будто откусил только половинку, а вторую половинку держал в руке. Опять начал жевать, и снова послышалось: «Хрусь-хрусь!»

— И как же у мальчика аппетитно хрустит! — проговорила Сонечка.

— Так аппетитно, что и мне ужасно захотелось огурцов! Я ведь тоже люблю огурцы! — воскликнул Илюшок.

— Хап! — сказал Лев Николаевич и всунул в рот вторую половинку огурца.

— А хрустит, как взаправдашний. Но нет, не взаправдашний! Я уж так смотрел, так смотрел за дедушкой — не подсунет ли он взаправдашний. Нет, не подсунул, — сказал Илюшок.

Сонечка возмутилась:

— Как тебе не стыдно думать, что дедушка хитрил! Это же дедушке обидно.

Илюшок испуганно взглянул на дедушку, но сейчас же успокоился: дедушка нисколько не обиделся, а продолжал с наслаждением жевать и похрустывать.

Когда второй огурец был съеден, Лев Николаевич сказал:

— Пошёл мальчик дальше, видит... — от удивления Лев Николаевич почти вскрикнул, — лежит третий огурец! Тоже огурец хоть куда! Но этот больше, гора-а-здо больше! Вот такой! — низким голосом проговорил Лев Николаевич и показал пальцами сантиметров двадцать.

Сонечка и Илюшок тоже были крайне удивлены размером огурца.

— Ха-ап! — проговорил Лев Николаевич и опять стал жевать, опять слышался хруст, а потом проглатывание.

Лев Николаевич иногда подносил огурец к носу, нюхал его и облизывал языком губы — до того огурец казался ему вкусным. Один раз Лев Николаевич что-то очень долго жевал: или слишком большой кусок откусил, или очень твёрдый огурец был.

«Хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь!»

— Какое же у мальчика терпение — так долго жевать! — сказала Сонечка.

Наконец и третий огурец был съеден.

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит четвёртый огурец! — с ещё большим удивлением и ещё громче воскликнул Лев Николаевич. — Вот тако-ой! — почти басом протянул он и откинулся спиной назад, как будто сам сделался больше. Пальцами он показал расстояние сантиметров в пятьдесят. — Вот такой!

— О-ох! — произнесла поражённая Сонечка.

— Да, такой! Такой, — уверял Лев Николаевич.

— Нет, дедушка, таких больших огурцов не бывает, — вдруг заявил Илюшок.

— Какой же ты глупый! — сказала Сонечка. — Ведь это же сказка!

Илюшок сконфузился.

— Ах да, сказка, — тихо проговорил он.

Лев Николаевич продолжал держать пальцы на расстоянии сантиметров пятидесяти и смотрел на Сонечку и Илюшка. Он был радостен и необыкновенно доволен, что нашёл такой большой огурец. Каково: в пятьдесят сантиметров! Вот это огурец!

— А очень толстый был четвёртый огурец? — спросил Илюшок.

— Толстый! Такой толстый!

— Ну, какой толстый?

— Да вот такой! — Лев Николаевич сделал большим и указательным пальцами правой руки полукруг сантиметров семь шириной.

Илюшок покачал головой.

— Ну и толстый же! Я бы таких толстых не брал, потому что не съел бы: у меня сил бы не хватило, — проговорил Илюшок.

— А мальчик съест. Он сколько угодно съест.

— Ну и мальчик! — сказал Илюшок.

— Ха-ап! — воскликнул Лев Николаевич и начал откусывать и жевать, и пошёл-пошёл хруст.

Невозможно понять, как Лев Николаевич производил этот хруст. То хруст был громче, то тише; звук его был то более высокий, то более низкий. Много же, должно быть, Лев Николаевич когда-то упражнялся, чтобы научиться этому хрусту и забавлять им детей!

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит пятый огурец! — пробасил Лев Николаевич, в этот раз как будто даже не веря собственным глазам.

— А пятый ещё больше? — с беспокойством спросил Илюшок.

— Конечно, больше. Ну конечно, больше! — с восторгом проговорил Лев Николаевич.

— Ну какой? — спросил Илюшок.

— Да вот такой! — И Лев Николаевич раздвинул вытянутые пальцы сантиметров на восемьдесят.

— Да, больше. На большой кусок больше, — сказал Илюшок.

Лев Николаевич широко раскрыл рот и рванул рукой, как будто откусил огромный кусок огурца, и опять начал жевать. Но с пятым огурцом мальчик справился скорее, чем с другими огурцами, потому что откусывал очень большие куски, а жевал мало. Раз-а два-три пожуёт — и готово дело: проглатывал.

Пятый огурец был съеден.

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит... лежит...

— Шестой огурец, — низким голосом, в подражание дедушке, подсказал Илюшок.

— Верно, шестой огурец.

— Что же, этот, шестой, ещё больше? — спросил Илюшок.

— А как ты думаешь?

— Наверно, больше, — с некоторым сомнением ответил Илюшок.

— Ну конечно, больше! Конечно, больше! Больше!

— Ну, а какой? — с недоверием спросил Илюшок.

— Да вот такой! — проговорил Лев Николаевич и расставил указательные пальцы на метр один от другого.

— Дедушка, но ведь таких огурцов... — начал было Илюшок.

Сонечка рассмеялась и прервала его:

— Опять «таких огурцов»! Пойми же, это сказка. Вот дурачок!

Илюшок до того смутился, что даже весь съёжился и виновато посмотрел на Сонечку и Льва Николаевича. Должно быть, действительно почувствовал себя «дурачком».

От шестого огурца мальчик откусывал целые кусищи. А жевал мальчик шестой огурец ещё меньше, чем пятый, и моментально от шестого огурца ничего не осталось. Лев Николаевич замолчал. Лицо у него сделалось серьёзное.

— А седьмой огурец... седьмой... последний, — негромко произнёс он. — Седьмой... — повторил он, как будто даже не зная, что сказать про величину седьмого огурца. — Седьмой... седьмой... был такой большой... такой большой, что, если бы показать какой, надо бы руки откидывать назад, назад...

Сонечка и Илюшок с нетерпением смотрели на руки Льва Николаевича в ожидании, что они и начнут откидываться назад. А руки не двигались. Правая лежала на палке, а левую руку Лев Николаевич сжал в кулак. Он молчал и, улыбаясь, глядел на Сонечку и Илюшка. А они всё смотрели на его руки. Теперь и Сонечка смотрела на руки, а не на лицо дедушки: ведь страшно интересно было узнать, какой же величины был седьмой огурец. Сонечка и Илюшок, видно, сами старались вообразить себе, какой он мог быть.

Илюшок спросил:

Л.Н. Толстой рассказывает сказку об огурце
внукам Ильюше и Соне, 18 сентября 1909 г.,
Крёкшино. *Фото В.Г. Черткова*

— А может быть, седьмой был такой же,
как мальчик?

— Да, почти такой.

— И такой же толстый?

— А почему тебе кажется, что мальчик
был толстый?

— Ну как же не толстый! Так много
съел огурцов — конечно, толстый.

— Ну нет, огурец не был такой толстый,
как мальчик.

— Но всё-таки очень толстый?

— О-очень толстый! Такой толстый, что
в рот не влезал. Только с большим трудом
можно было его втолкнуть в рот.

— А мальчик всё-таки съел его?

— Да, съел. Съел! — сам удивляясь, ответил Лев Николаевич.

— Ну и любил же мальчик огурцы! Я тоже люблю огурцы, но всё-таки не так.

— Вот и вся сказка! — вдруг сказал Лев Николаевич.

— Как — вся? А что же с мальчиком получилось? — спросил Илюшок.

— А ничего не получилось, пошёл себе гулять.

— Ну и мальчик же! — сказал Илюшок и покачал головой.

— Да, ужасно смешной. Столько съесть огурцов, — проговорила Сонечка.

— А мне хотелось бы ещё послушать, — сказал Илюшок.

— Что же делать, — сказал Лев Николаевич. — Вся сказка, все огурцы, больше в огороде не осталось.

— Спасибо, дедушка, что рассказал нам, — сказала Сонечка.

— Да, дедушка, спасибо, спасибо! — подхватил Илюшок. — Ну и мальчик же! Ну и огурцы!

Расставшись со Львом Николаевичем, дети побежали в дом сообщить, какую интересную сказку им дедушка рассказал. А потом в течение целого дня всем, кому только могли, об этом говорили и руками показывали, какой сначала был маленький огурец, а потом какие огурцы были большие, и голосом старались подражать дедушке, и щёки надували, и даже пробовали делать хруст, но

только он у них никак не получался, сколько они ни старались.

Почему же эта сказка так нравилась детям?

А потому, что Лев Николаевич очень интересно её рассказывал. И потому ещё, что, когда рассказывал сказку, был весёлый-весёлый, улыбался, смеялся. И детям от этого тоже становилось весело.

Значит, хоть и пустячная, может быть, сказка, а не бесполезная. Лев Николаевич всегда говорил, что польза не только от большого, серьёзного сочинения, но и от всякой сказки, от всякой песенки, от прибаутки, от простой шутки, если после них бывает весело и хорошо. А после сказки об огурцах как раз так и бывало.

Рассмотрите в библиотеке книги Л.Н. Толстого для детей. Возьмите и прочитайте ту, в которой есть сведения об авторе.

Умная внучка

Сказка в пересказе

А.П. Платонова

Жили старик со старухой, и с ними внучка Дуня жила. И не такая уж Дуня была красивая, как в сказках сказывается, только умная она была и охотная к домашней работе.

Вот раз собираются старики на базар в большое село и думают: как им быть? Кто

им щи сварит и кашу сготовит, кто корову напоит и подоит, кто курам проса даст и на насест их загонит?

А Дуня им говорит:

— Кто ж, как не я! Я и щи сварю и кашу напарю, я и корову из стада встречу и на ночь её обряжу, я и кур угомоню, я и в избе приберу, я и сено поворошу, пока *вёдро* стоит во дворе.

— Да ты мала ещё, внученька, — говорит ей бабушка, — семь годов всего сроку тебе!

— Семь не два, бабушка, семь — это много. Я управлюсь!

Уехали дедушка с бабушкой на базар, а к вечеру воротились. Видят они, и правда: в избе прибрано, пища сготовлена, на дворе порядок, скотина и птица сытые, сено просушено, плетень починен (дедушка-то два лета собирался его починить), вокруг колодезного сруба песком посыпано — наработано столько, что словно тут четверо было.

Глядят старик со старухой на свою внучку и думают: жить им теперь да радоваться!

Однако недолго пришлось бабушке радоваться на внучку: заболела бабушка и померла. Остался старик один с Дуней. Трудно было дедушке одному остаться на старости лет. Вот живут они одни, без бабушки. Дуня *ублажает* дедушку и всякую работу в хозяйстве справляет одна; хоть мала была, да ведь прилежна.

Случилось дедушке в город поехать, надобность пришла. По дороге он нагнал богатого соседа, тот тоже в город ехал. Поехали они вместе. Ехали-ехали, и ночь наступила. Богатый сосед и бедный Дунин дедушка увидели огонёк в придорожной избе и постучались в ворота. Стали они на ночлег, распрягли лошадей; у Дуниного дедушки-то была кобыла, а у богатого мужика *мерин*.

Ночью дедушкина лошадь родила жеребёнка, а жеребёнок несмышлёный, отвалился он от матери и очутился под телегой того богатого мужика.

Проснулся утром богатый.

— Гляди-ка, сосед, — говорит он старику, — у меня мерин жеребёнка ночью родил!

— Как можно! — дедушка говорит. — В камень просо не сеют, а мерин жеребят не рожает! Это моя кобыла принесла.

А богатый сосед:

— Нет, — говорит, — это мой жеребёнок! Кабы твоя кобыла принесла, жеребёнок-то и был бы возле неё! А то ишь где — под моей телегой!

Заспорили они, а спору конца нету: у бедного правда, а у богатого выгода, один другому не уступает.

Приехали они в город. В том городе в те времена царь жил. А царь тот был самый богатый человек во всём царстве, он считал себя самым умным человеком и любил судить-рядить своих *подданных*.

Вот пришли богатый и бедный к царю-судье. Дунин дедушка и жалуется царю:

— Не отдаёт мне богатый жеребёнка, говорит-де жеребёнка мерин родил!

А царю-судье что за дело до правды: он и так и этак мог рассудить, да ему сперва потешиться захотелось.

И он сказал:

— Вот четыре загадки вам — кто решит, тот и жеребёнка получит. Что всего на свете сильней и быстрее? А что всего на свете жирней? А ещё: что всего мягче и что всего милее?

Дал им царь сроку три дня, а на четвёртый день чтоб ответ был.

А пока суд да дело, царь велел оставить у себя во дворе и дедушкину лошадь с жеребёнком и телегой, и мерина богатого мужика: пусть и бедный и богатый пешими живут, пока их царь не рассудит.

Пошли богатый и бедный домой. Богатый думает: пустое, дескать, царь загадал, я отгадку знаю. А бедный горюет: не знает он отгадки.

Дуня встретила дедушку и спрашивает:

— О ком ты, дедушка, скучаешь? О бабушке? Так ведь я с тобой осталась!

Рассказал дедушка внучке, как дело было, и заплакал: жалко ему жеребёнка.

— А ещё, — дедушка говорит, — царь загадки загадал, а я отгадки не знаю. Где уж мне их отгадать!

— А скажи, дедушка, каковы загадки? Не умнее они ума.

Дедушка сказал загадки. Дуня послушала и говорит в ответ:

— Поедешь к царю и скажешь: сильнее и быстрее всего на свете ветер; жирнее всего — земля: что ни растёт на ней, что ни живёт — всех она питает; а мягче всего на свете руки, дедушка: на что человек ни ляжет, всё руку под голову кладёт; а милее сна ничего на свете не бывает, дедушка.

Через три дня пришли к царю-судье Дунин дедушка и его богатый сосед.

Богатый и говорит царю:

— Хоть и мудрые твои загадки, государь наш судья, а я их сразу отгадал: сильнее и быстрее всего — так это каряя кобыла из вашей конюшни: коли кнутом её ударить, так она зайца догонит. А жирнее всего — так это тоже ваш рябой боров: он такой жирный стал, что давно на ноги не поднимается. А мягче всего ваша пуховая перина, на которой вы почиваете. А милее всего ваш сынок Никитушка!

Послушал царь-судья — и к старику бедняку:

— А ты что скажешь? Принёс отгадку или нет?

Старик и отвечает, как внучка его научила. Отвечает, а сам боится: должно быть, не так он отгадывает; должно быть, богатый сосед правильно сказал.

Царь-судья выслушал и спрашивает:

— Сам ты придумал ответ иль научил тебя кто?

Старик правду говорит:

— Да где ж мне самому-то, царь-судья! Внучка у меня есть, таково смышлёная да умелая, она и научила меня.

Царю любопытно стало, да и забавно, а делать ему всё равно нечего.

— Коли умна твоя внучка, — говорит царь-судья, — и на дело умелая, отнеси ей вот эту ниточку шелко́вую. Пусть она соткёт мне полотенце узорчатое, и чтоб к утру готово было. Слыхал иль нет?

— Слышу, слышу! — отвечает дедушка царю. — Аль я уж бестолковый такой!

Спрятал он ниточку за пазуху и пошёл домой. Идёт, а сам робеет: где уж тут из одной нитки целое полотенце соткать — того и Дунюшка не сумеет... Да к утру, ещё и с узорами!

Выслушала Дуня своего деда и говорит:

— Не кручинься, дедушка, это не беда ещё!

Взяла она веник, отломилла от него прутик, подала дедушке и сказала:

— Пойди к царю-судье этому и скажи ему: пусть найдёт он такого мастера, который сделает из этого прутика *крóсна*, чтобы было мне на чём полотенце ткать.

Пошёл старик опять к царю. Идёт, а сам другой беды ждёт, другой задачи, на которую ума и у Дунюшки не хватит.

Так оно и вышло.

Дал царь старику полтора́ста яи́ц и велел, чтобы стари́ковская внучка к завтрашнему дню полтора́ста цыплят вывела.

Вернулся дед ко двору.

— Одна беда не ушла, — говорит, — другая явилась.

И рассказал он внучке новую царскую задачу.

А Дуня ему в ответ:

— И это ещё не беда, дедушка!

Взяла она яйца, испекла их и к ужину подала.

А на другой день говорит:

— Ступай, дедушка, сизнова к царю. Скажи ему, чтобы прислал он цыплятам на корм *одноднёвного пшена*; пусть в один день поле вспашут, просом засеют, созреть дадут, а потом сожнут да обмолотят, провеют и *обрушат*. Скажи царю: цыплята другого пшена не клюют, того гляди помрут.

И пошёл дед сизнова. Выслушал его царь-судья и говорит:

— Хитра твоя внучка, да и я не прост. Пусть твоя внучка явится утром ко мне —

ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, да и не без подарочка!

Пошёл дед домой. «Эка прихоть!» — думает.

Как узнала Дуня новую загадку, то загорюнилась было, а потом повеселела и говорит:

— Ступай, дедушка, в лес к охотникам да купи мне живого зайца и перепёлку живую... Ан нет, ты не ходи, ты старый, ты утомился ходить, ты отдыхай. Я сама пойду — я маленькая, мне охотники и даром дадут зайца и перепёлку, а покупать их нам не на что.

Отправилась Дунюшка в лес и принесла оттуда зайца да перепёлку. А как наступило утро, сняла с себя Дуня рубаху, надела рыбацкую сеть, взяла в руки перепёлку, села верхом на зайца и поехала к царю-судье.

Царь как увидел её, удивился и испугался:

— Откуда страшилище едет такое? Прежде не видано было такого уroda!

А Дунюшка поклонилась царю и говорит:

— Вот тебе, батюшка, принимай, что принести велено было!

И подаёт ему перепёлку. Протянул руку царь-судья, а перепёлка — порх! — и улетила.

Поглядел царь на Дуню.

— Ни в чём, — говорит, — не отступила: как я велел, так ты и приехала. А чем вы, — спрашивает, — кормитесь с дедом?

Дуня отвечает царю:

— А мой дедушка на сухом берегу рыбу ловит, он сетей в воду не ставит. А я подолом рыбу домой ношу да уху в горсти варю!

Царь-судья осердился:

— Что ты говоришь, глупая! Где это рыба на сухом берегу живёт? Где уху в горстях варят?

А Дуня против ему говорит:

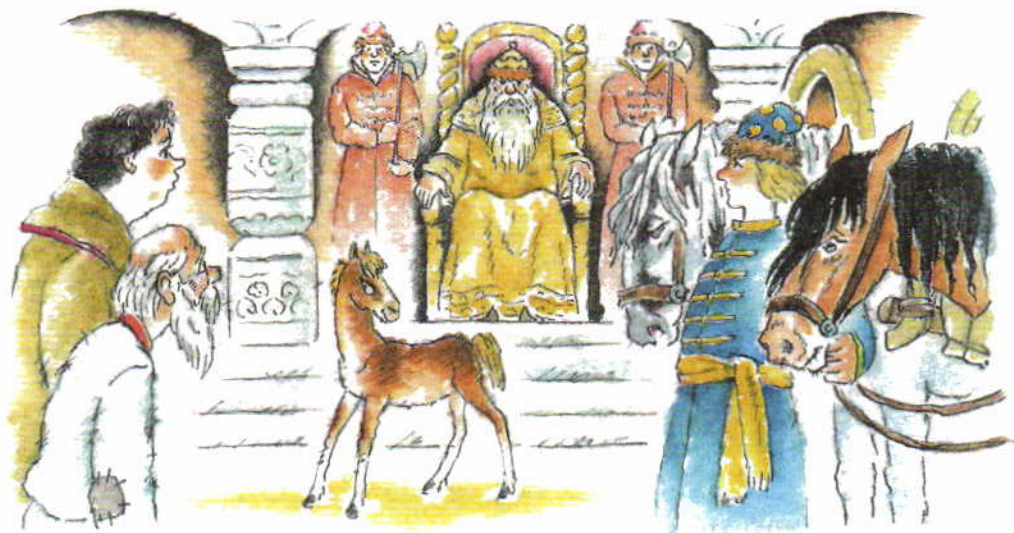
— А ты-то ль умён? Где это видано, чтобы мерин жеребёнка родил? А в твоём царстве и мерин рождает!

Озадачился тут царь-судья:

— А как узнать было, чей жеребёнок? Может, чужой забежал!

Осерчала Дунюшка.

— Как узнать? — говорит. — Да тут бы и дурень рассудил, а ты царь! Пусть мой дедушка на своей лошади в одну сторону поедет, а богатый сосед — в другую. Куда побежит жеребёнок, там и мать его.

Царь-судья удивился:

— А ведь и правда! Как же я-то не рассудил, не догадался?

— А коли бы ты по правде судил, — ответила Дуня, — тебе бы и богатым не быть.

— Ах ты, *язва*! — сказал царь. — Что дале из тебя выйдет, когда ты большая вырастешь?

— А ты рассуди сперва, чей жеребёнок, тогда я и скажу тебе, кем я большая буду!

Царь-судья назначил тут суд на неделе. Пришли на царский двор Дунин дедушка и сосед их богатый. Царь велел вывести их лошадей с телегами. Сел Дунин дедушка в свою телегу, а богатый в свою; и поехали они в разные стороны. Царь и выпустил тогда жеребёнка, а жеребёнок побежал к своей матери, дедушкиной лошади. Тут и суд весь. Остался жеребёнок у дедушки.

А царь-судья спрашивает у Дуни:

— Скажи теперь, кем же ты большая будешь?

— Судьёю буду.

Царь засмеялся:

— Зачем тебе судьёю быть? Судья-то ведь я!

— Тебя чтоб судить.

Дедушка видит — плохо дело, как бы царь-судья не рассерчал. Схватил он внучку да в телегу её. Погнал он лошадь, а жеребёнок рядом бежит.

Царь выпустил им вслед злого пса, чтоб он разорвал внучку и деда. А Дуниин дедушка хоть и стар был, да *сноровист* и внучку в обиду никому не давал. Пёс догнал телегу, кинулся было, а дед его кнутовищем, кнутовищем, а потом взял запасную важку — *оглобельку*, что в телеге лежала, да оглобелькой его — пёс и свалился.

А дедушка обнял внуку.

— Никому, никому, — говорит, — я тебя не отдам: ни псу, ни царю. Расти большая, умница моя.

Вёдро — хорошая, солнечная погода.

Ублажа́ть — угождать, доставлять удовольствие, радовать.

Ме́рин — конь.

Кро́сна — ткацкий станок.

По́дданные — люди, которые принадлежат кому-то или какой-либо стране.

Однодне́вное пше́но — выращенное за один день.

Обру́шить — здесь: сделать из зерна крупу.

Я́зва — здесь: злобный, язвительный человек.

Снорови́ст — умел, ловок.

Огло́белька — круглая жердь для запряжки лошадей.

1. Чем эта сказка похожа на русскую народную сказку «Дочь-семилетка», которая дана в учебнике? Сравните загадки в этих сказках.

2. Сказку «Умная внучка» обработал (пересказал) русский писатель Андрей Платонович Платонов. Возьмите в библиотеке книгу со сказками в обработке А.П. Платонова «Солдат и царица» (любое издание). Прочитайте сказки.

Уж сколько раз твердили миру...

Эзоп

Ворон и Лисица

Ворон унёс кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей заполучить это мясо. Стала она перед Вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог он получше других стать царём над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него ещё и голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А Лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, Ворон, кабы у тебя ещё и ум был в голове, — ничего бы тебе больше и не потребовалось, чтоб царствовать».

Так и люди, когда тягаются, чтобы сравняться с сильнейшими, терпят неудачу и становятся посмешищем.

1. Как вы понимаете мораль басни?

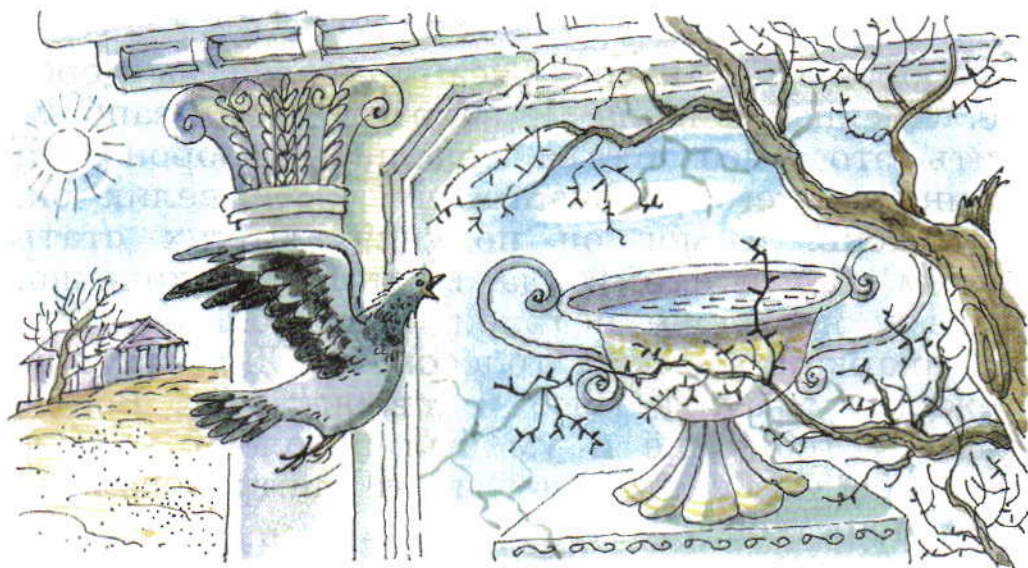
2. Передайте при чтении своё отношение к Лисице и Ворону. Не забудьте сделать паузу перед моралью басни.

Эзоп

Голубь, который хотел пить

Голубь, измученный жаждой, увидел картину, изображавшую чашу с водой, и подумал, что она настоящая. Он бросился к ней с громким шумом, но неожиданно наткнулся на доску и разбился: крылья его переломались, и он упал на землю, где и стал добычей первого встречного.

Так иные люди в порыве страсти берутся за дело опрометчиво и сами себя губят.

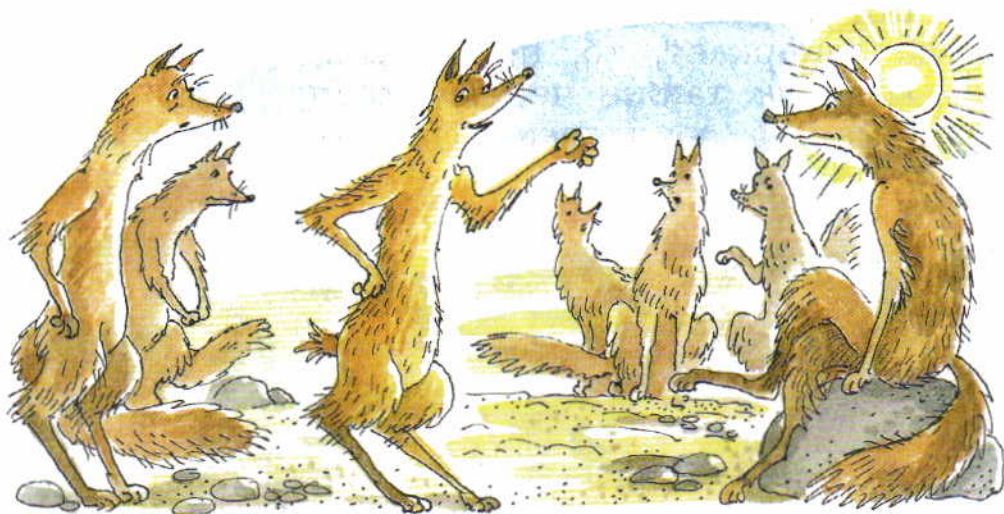
1. Прочитайте последнее предложение. Как вы понимаете мораль басни? Объясните.
2. Вспомните и назовите басни Эзопа, изученные во 2 классе.

Эзоп

Бесхвостая Лисица

Лисица потеряла хвост в какой-то западне и рассудила, что с таким позором жить ей невозможно. Тогда она решила склонить к тому же самому и всех остальных лисиц, чтобы в общем несчастье скрыть собственное увечье. Собрала она всех лисиц и стала их убеждать отрубить себе хвосты: во-первых, потому что они некрасивые, а во-вторых, потому что это только лишняя тяжесть. Но одна из лисиц на это ответила: «Эх ты! Не дала бы ты нам такого совета, не будь тебе самой это выгодно».

Басня относится к тем, кто подаёт советы ближним не от чистого сердца, а ради собственной выгоды.

Почему лисице не удалась её хитрость? Как об этом говорит Эзоп? Перечитайте.

А.Е. Измайлов
Филин и чиж

В лесу соловушко зарёй вечерней пел,
А филин на сосне нахму́рся сидел
И укал что в нём было мочи,
Как часовой средь ночи.
«Пожалуй, дядюшка, голубчик, перестань, —
Сказал чиж филину, — ты соловью
мешаешь». —
«Молчи, дурак, молчи, ты ничего не знаешь.
Что соловей твой? Дрянь!
Ну так ли в старину певали?
И так ли молодцы из нас теперь поют?» —
«Да кто же? Соловья мы лучше не слышали,
Ему здесь первенство все птицы отдают». —
«Неправда! Он поёт негодно, вяло, грубо,
А хвалит кто его, несёт тот суший бред.
Вот ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!
Изряден также чёрный грач:
Хоть мал, а свил гнездо под крышей храма
славы!

Кукушкин на кладбище плач
Нам тоже делает забавы.
Но сыч! Вот из певцов певец!
Его брать должно в образец:
Кричит без умолку, прекрасно!
Скажу пред всеми *беспристрастно*,
Что нет здесь равного сычу...
Зато я сам его учу!»

Изряден — хорош.
Беспристрастно — справедливо.

Писатель Александр Ефимович Измайлов
жил в одно время с И.А. Крыловым. Бас-
ни Измайлова любил читать А.С. Пушкин.

И.А. Крылов

Крестьянин и Работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все *взапуски* его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с *Батраком*
Шёл под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.

Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.

«Степанушка, родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.

Вот новый *Геркулес*, со всей собравшись силой,
Что только было в нём,

Отнёс полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.

Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.

Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.

Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй, — говорит, — за что?» —

«За что, болван!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет: всю испортил шкуру!»

Взáпуски — наперегонки.

Батра́к — наёмный рабочий.

Геркулéс — здесь: силач, великан.

И.А. Крылов
Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью
напиться;

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым
рылом

Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?

За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне ещё и отроду нет году». —
Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль
сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их *развѣдаюсь* грехи». —
«Ах, я в чём виноват?» — «Молчи! устал
я слушать,
Досуг мне *разбирать* вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». —
Сказал — и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Светлѣйший — в царской России почётное обращение к князю.

Развѣдаюсь — здесь: расправляюсь.

Досуг мне *разбирать* — нет времени.

Вспомните фамилии русских баснописцев.

Сыплет черёмуха снегом...

Послушайте

И.А. Бунин
Листопад

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пёстрою стеной
Стоит над светлою поляной.
Берёзы жёлтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, ёлочки темнеют,
А между клёнами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,

Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.
Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылёк
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мёртвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.
Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Заворожённый тишиной;

Заквохчет дрозд, перелетая
Среди *подседа*, где густая
Листва янтарный отблеск льёт;
Играя, в небе промелькнёт
Скворцов рассыпанная стая —
И снова всё кругом замрёт.

Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой
Глубокий и немой покой —
Предвестник долгого ненастья.
Глубоко, странно лес молчал
И на заре, когда с заката
Пурпурный блеск огня и злата
Пожаром терем освещал.
Потом угрюмо в нём стемнело.
Луна восходит, а в лесу
Ложатся тени на росу...
Вот стало холодно и бело
Среди полян, среди сквозной
Осенней чащи помертвелой,
И жутко Осени одной
В пустынной тишине ночной.

Теперь уж тишина другая:
Прислушайся — она растёт,
А с нею, бледностью пугая,
И месяц медленно встаёт.
Все тени сделал он короче,
Прозрачный дым навёл на лес
И вот уж смотрит прямо в очи
С туманной высоты небес.
О, мёртвый сон осенней ночи!
О, жуткий час ночных чудес!

В сребристом и сыром тумане
Светло и пусто на поляне;
Лес, белым светом залитой,
Своей застывшей красотой
Как будто смерть себе пророчит;
Сова, и та молчит: сидит
Да тупо из ветвей глядит,
Порою дико захохочет,
Сорвётся с шумом с высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонам, как в изумленье;
А лес стоит в оцепененье,
Наполнен бледной, лёгкой мглой
И листьев сыростью гнилой...

Не жди: наутро не проглянет
На небе солнце. Дождь и мгла
Холодным дымом лес туманят, —
Недаром эта ночь прошла!
Но Осень затаит глубóко
Всё, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрётся в тереме своём:
Пусть бор бушует под дождём,
Пусть мрачны и ненастны ночи
И на поляне волчьи очи
Зелёным светятся огнём!
Лес, точно терем без *призора*,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял

И вход сырой листвой усыпал;
А там зазимок ночью выпал
И таять стал, всё умертвив...

Трубят рога в полях далёких,
Звенит их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.
Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо воет рог туриный,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Льёт дождь, холодный, точно лёд,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелёт.

Но дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,
И в *горностаевом шугае*,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.
Двор пуст и холоден. В ворота,
Среди двух высохших осин,
Видна ей синева долин
И ширь пустынного болота,
Дорога на далёкий юг:
Туда от зимних бурь и вьюг,
От зимней стужи и метели
Давно уж птицы улетели;
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направит
И навсегда в пустом бору
Раскрытый терем свой оставит.

Прости же, лес! Прости, прощай,
День будет ласковый, хороший,
И скоро мягкою порошей
Засеребрится мёртвый край.
Как будут странны в этот белый
Пустынный и холодный день
И бор, и терем опустелый,
И крыши тихих деревень,
И небеса, и без границы
В них уходящие поля!
Как будут рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Резвясь и греясь на бегу

В сугробах мягких на лугу!
А там, как буйный пляс шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры из тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу
И заывая в поле зверем.
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом острове пустом
Повесят инеи сквозные,
И будут в небе голубом
Сиять *чертоги* ледяные
И хрусталём и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов,
Взойдут огни небесных сводов,
Заблещет звёздный щит *Стожар* —
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар,
Расцвет полярного сиянья.

Подсёд — ярус молодых деревьев.
Призёр — присмотр.
Зазёмок — первый снег.

Горноста́евый шуга́й — женский сарафан
или кофта с отделкой из меха горноста́я.
Чертóг — прекрасный дворец.
Стожа́ры — созвездия.

И.С. Тургенев

Лес и степь

Отрывок

А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас вострепнется, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подалее другая с белой церковью, вон берёзовый лесок на горе; за ним болото, куда вы едете... Живее, кони, живее! Крупной рысью вперёд!.. Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто... Погода будет славная. Стадо потянулось из деревни к вам навстречу. Вы взобрались на гору... Какой вид! Река вьётся вёрст на десять, тускло синяя сквозь туман; за ней водянисто-зелёные луга; за лугами пологие холмы; вдали чибисы с криком вьются над болотом; сквозь влажный блеск, разлитый в воздухе, ясно выступает даль... не то, что летом. Как вольно дышит грудь, как бодро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханьем весны!..

А летнее, июльское утро! Кто, кроме охотника, испытал, как отрадно бродить на заре по кустам? Зелёной чертой ложится след ваших ног по росистой, побелевшей траве. Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся тёплым запахом ночи; воздух весь напоён свежей горечью полыни, мёдом гречихи и «кашки»; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце; ещё свежо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится от избытка благоуханий. Кустарнику нет конца... Кое-где разве вдали желтеет поспевающая рожь, узкими полосками краснеет гречиха. Вот заскрипела телега; шагом пробирается мужик, ставит заранее лошадь в тень... Вы поздоровались с ним, отошли — звучный лязг косы раздаётся за вами. Солнце всё выше и выше. Быстро сохнет трава. Вот уже жарко стало. Проходит час, другой... Небо темнеет по краям; колючим зноем пышет неподвижный воздух.

— Где бы, брат, тут напиться? — спрашиваете вы у косаря.

— А вон, в овраге, колодезь.

Сквозь густые кусты орешника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: под самым обрывом таится источник; дубовый куст жадно раскинул над водою свои лапчатые сучья; большие серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытого мелким, бархатным мхом. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вам лень пошевелинуться. Вы в тени, вы дышите пахучей сыростью; вам хорошо, а против вас кусты раскаляются и словно желтеют на солнце. <...>

Но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный; вдали ложится мягкий пар, тёплый на вид; вместе с росой падает алый блеск на поляны, ещё недавно облитые

потоками жидкого золота; от деревьев, от кустов, от высоких стогов сена побежали длинные тени... Солнце село; звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката... Вот оно бледнеет; синеет небо; отдельные тени исчезают, воздух наливается мглой. Пора домой, в деревню, в избу, где вы ночуете. Закинув ружьё за плечи, быстро идёте вы, несмотря на усталость... А между тем наступает ночь; за двадцать шагов уже не видно; собаки едва белеют во мраке. Вон над чёрными кустами край неба смутно яснее... Что это? пожар?... Нет, это восходит луна. А вон внизу, направо, уже мелькают огоньки деревни... Вот наконец и ваша изба. Сквозь окошко видите вы стол, покрытый белой скатертью, горящую свечу, ужин.

<...> И как этот же самый лес хорош поздней осенью, когда прилетают *вальдшнепы*! Они не держатся в самой глуши: их надобно искать вдоль опушки. Ветра нет, и нет ни солнца, ни света, ни тени, ни движенья, ни шума; в мягком воздухе разлит осенний запах, подобный запаху вина; тонкий туман стоит вдали над жёлтыми полями. Сквозь обнажённые, бурые сучья дерев мирно белеет неподвижное небо; кое-где на липах висят последние золотые листья. Сырая земля упрота под ногами; высокие сухие былинки не шевелятся; длинные нити блестят на побледневшей траве. Спокойно дышит грудь, а на душу находит странная тревога. Идёшь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тем любимые образы, любимые лица, мёрт-

вые и живые, приходят на память, давным-давно заснувшие впечатления неожиданно просыпаются; воображенье реет и носится, как птица, и всё так ясно движется и стоит перед глазами. Сердце то вдруг задрожит и забьётся, страстно бросится вперёд, то безвозвратно потонет в воспоминаниях. Вся жизнь развёртывается легко и быстро, как свиток; всем своим прошедшим, всеми чувствами, силами, всею своею душою владеет человек. И ничего кругом ему не мешает — ни солнца нет, ни ветра, ни шуму...

А осенний, ясный, немножко холодный, утром морозный день, когда берёза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на бледно-голубом небе, когда низкое солнце уж не греет, но блестит ярче летнего, небольшая осиновая роща вся сверкает насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь ещё белеет на дне долин, а свежий ветер тихонько шевелит и гонит упавшие покоробленные листья, — когда по реке радостно мчатся синие волны, мерно вздымая рассеянных гусей и уток; вдали мельница стучит, полузакрытая вербами, и, пестрея в светлом воздухе, голуби быстро кружатся над ней...

Вальдшнеп — лесной кулик, птица рыже-вато-бурой окраски.

Какая картина природы вам понравилась? Почему?

И.С. Тургенев
Воробей

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собой дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно,

беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, *благоговая*.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Благоговѣть — относиться с глубочайшим почтением; очень сильно любить.

1. Что заставило воробья жертвовать собой?
2. Какой вывод делает автор? Прочитайте последний абзац.

И.С. Тургенев

Деревня

Отрывок

Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, *заповедных* лугов,
На тихих берегах заливов и прудов,
Люблю прислушиваться к лаю
Собак недремлющих, мычанью тяжких
стад,
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип *незыблемые* тени;
Не дрогнет воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженством безмятежной лени...
Задумчиво глядишь на лица мужиков —

И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту...
Идёт к колодезю старуха за водой;
Высокий шест скрипит и гнётся; чередой
Подходят лошади к корыту...
Вот песню затянул проезжий... Грустный
звук!

Но лихо вскрикнул он — и только
слышен стук

Колёс его телеги тряской;
Выходит девушка на низкое крыльцо —
И на зарю глядит... и круглое лицо
Зарделось алой, яркой краской.
Качаясь медленно, с пригорка, за селом,
Огромные возы спускаются гуськом
С пахучей данью пышной нивы;
За конопляником, зелёным и густым,
Бегут, одетые туманом голубым,
Степей широкие разливы.
Та степь — конца ей нет... раскинулась,
лежит...

Струистый ветерок бежит, не пробежит...
Земля томится, небо млеет...
И леса длинного подёрнутся бока
Багрянцем золотым, и *ропщет* он слегка,
И утихает, и синеет...

Заповедные — оберегаемые, хранимые.
Незыблемые — недвижимые (неподвижные).
Ропщет — издаёт глухой, невнятный шум.

Сравните произведения И.С. Тургенева «Деревня» и «Воробей», определите их жанр и тему.

Н.А. Некрасов
Крестьянские дети
В сокращении

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пищу мои *вириши* — живётся легко.
Вчера, утомлённый ходьбой по болоту,
Забрёл я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся весёлого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шёпот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выражение,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шёпот опять!

П е р в ы й г о л о с
Борода!

В т о р о й
А барин, сказали!..

Т р е т и й
Потише вы, черти!

В т о р о й
У бар борода не бывает — усы.

П е р в ы й

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Ч е т в ё р т ы й

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

П я т ы й

Ай, важная штука!

Ш е с т о й

И цепь золотая...

С е д ь м о й

Чай, дорого сто́ит?

В о с ь м о й

Как солнце горит!

Д е в я т ы й

А вона собака — большая, большая!

Вода с языка-то бежит.

П я т ы й

Ружьё! Погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Т р е т и й (с испугом)

Глядит!

Ч е т в ё р т ы й

Молчи, ничего! Постоим ещё, Гриша!

Т р е т и й

Прибьёт...

Испугались шпионы мои

И кинулись прочь: человека слыша,

Так стаяй с *мякины* летят воробьи.

Затих я, прищурился — снова явились,

Глазёнки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — «Услышит,
молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских
детей <...>

Я делывал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.

«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ —
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста <...>
Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернѣхоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — *содѣм*, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...
«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернѣтся сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растѣт, наливает зерно;
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на *ригу* свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлеба ребѣнок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, пострелѣнок!»
Ванюша в деревню въезжает царѣм...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребёнок свободно
Растёт, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно,
А сгннуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...
Однажды, в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок —
В больших сапогах, в полушубке
Овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

«Здорово, парнище!» — «Ступай себе
мимо!» —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо,
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?» —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...» —
«Так вон оно что! А как звать тебя?» —
«Власом». —
«А кой тебе годик?» — «Шестой
миновал...
Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка
басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал. <...>
Теперь нам пора возвратиться к началу.

Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй! Воры идут! — закричал я
Фингалу. —
Украдут, украдут! — Ну, прячь
поскорей!»

Фингалушка скорчил серьёзную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лёг — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! — «Фингалка, умри!»
«Не засти, Сергей! Не толкайся,
Кузяха!» —

«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актёр залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стены, опять заперлась.
Я выглянул: тёмная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождём ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать *дупелей*.

Ві́рши — рифмованные строки.
Мякі́на — остатки от обмолоченных ко-
лосьев.
Содóм — здесь: беспорядок, шум.
Рі́га — сарай для сушки и обмолота
снопов.
Навью́т — здесь: нагрузят телегу сеном.
Ду́пель — болотная птица.

Вспомните, какие произведения Н.А. Некрасова вы читали. Возьмите в библиотеке книгу Н.А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы» или «Стихи для детей» (любое издание) и прочитайте.

Н.А. Некрасов
Зелёный Шум

В сокращении

Идёт-гудёт *Зелёный Шум*,
Зелёный Шум, весенний шум!..

Играючи расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнёт кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: всё зелено,
И воздух и вода!<...>

Идёт-гудёт *Зелёный Шум*,
Зелёный Шум, весенний шум!..

Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,

Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!<...>

Зелёный Шум — так называют в народе весеннее пробуждение природы (пояснение Н.А. Некрасова).

К.И. Чуковский
Зелёный Шум

Некрасов любил родную природу и написал о ней много чудесных стихов.

Его замечательное стихотворение «Зелёный Шум» прославляет русскую весну. Прочтите это стихотворение хоть зимою, хоть осенью, и к вам в комнату ворвётся тёплый ветер, и вы услышите, как шумит молодая листва.

Всякий раз, когда уходит зима и тёплые южные ветры налетают на леса и сады, пробуждающиеся к радостной жизни, нам вспоминается эта песня Некрасова.

Никому из нас не удалось бы так хорошо написать о том чувстве веселья и счастья, которое вызывает в нас наступление русской весны.

Это чувство знакомо каждому, но нужно быть великим художником, чтобы высказать его в таких сильных и прекрасных стихах.

В поэзии важны не только слова, но и звуки. Заметьте, что в третьей и четвёртой строках «Зелёного Шума» в каждом слове слышится звук **р**:

Играючи **р**асходится
Вдруг ветер **р**ековой...

Произнесите эти две строки вслух, и вы почувствуете, что такое скопление **р** здесь происходит не даром: оно помогает вам яснее

представить вихревые порывы весеннего ветра, налетающего на кусты и деревья.

Некрасов, как великий мастер родного языка, чутко прислушивался к звучанию каждого своего слова.

Н.А. Некрасов

Саша

Отрывок из поэмы

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Выспится Саша, поднимется рано,
Чёрные косы завяжет у *стана*

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно,
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зелёных ветвей:
«Путник усталый! Бросайся скорей

В наши объятия: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Поле*м* идёшь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеётся... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода...

Саша *сби*ра*ла* цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пёстром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
На бок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка
Снег отряхает, смеётся, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она её смех молодой...

Саше случалось знать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

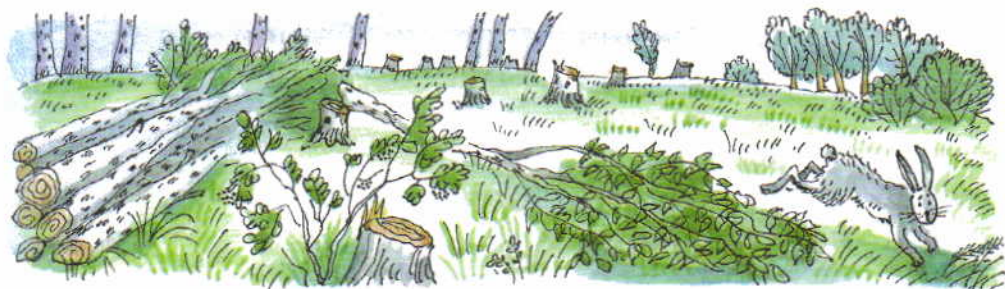
Ей и теперь его жалко до слёз.
Сколько тут было кудрявых берёз!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные *грозды* калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы *царили* в вершине лесной,

По́низу всякие звери тайлись.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В тёмную нору заби́лась лисица,
Машет крылом осторожная птица,

В недоуменье тащ́ат муравьи
Что ни попало в жилища свои...

Стан — здесь: тонкая талия.
Сби́рала — старая форма глагола *соби-
рала*.

Гро́зды — старая форма слова *гроздьа*
(*грозди*).

Цари́ли — здесь: были выше всех.

Возьмите в библиотеке книгу с этим про-
изведением (поэмой). Если захотите, прочи-
тайте поэму полностью.

Ф.Н. Глинка
Москва

Город ч́удный, город древний.
Ты вместил в свои концы
И *посады*, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как *ха́ртия*, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка Москва!

Кто, силач, возьмёт в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьёт златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет,
Кто Царь-пушку повернёт?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой *выи*
В *бедовой* своей судьбе;
Разве *пасынки* России
Не поклонятся тебе?..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела,
Бурнопламенная!
И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Поса́д — пригород; небольшой посёлок.

Ха́ртня — старинная рукопись, написанная на длинном свитке из особой бумаги — пергамента.

Вы́я — шея.

Бедова́я — полная бед, испытаний.

Па́сынки — неродные сыновья.

Гра́д среди́нный — город, который находится в середине государства.

1. Подберите в библиотеке книги-справочники о Москве, рассмотрите иллюстрации памятников Кремля, о которых говорит Ф.Н. Глинка.
2. Познакомьтесь с книгой Н.П. Кончаловской «Славен град Москва» (любое издание).

И.С. Никитин
(В сокращении)

Помню я: бывало, няня,
Долго сидя за чулком,
Молвит: «Баловень ты, Ваня,
Всё дурачишься с котом.

Встань, подай мою шубейку:
Что-то холодно, дрожу...
Да присядь вот на скамейку,
Сказку длинную скажу».

И старушка с расстановкой
До полночи говорит.
С приподнятою головкой
Я сажу. Свеча горит.

Петухи давно пропели.
Поздно. Тянется ко сну...
Где-то *дрожки* прогремели...
И под говор я засну...

Сон покоен. Утром встанешь —
Прямо в садик... Рай земной!
Песни, говор... А как глянешь
На росинки — сам не свой!

Чуть сорока защекочет —
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть она, мол, хочет:
«Здравствуй, Ваня! Долго спишь!» <...>

Дрóжки — лёгкий конный экипаж (повозка).

Вспомните, назовите и прочитайте стихотворения, в которых русские поэты рассказывают о своих нянях или бабушках.

Топи да болота,
Синий *плат* небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.
Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Тёмным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колёс.
Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

Плат — небольшой платок, покрывало.

Гóмон — шум от множества голосов, звуков.

Слу́шают — народная форма слова *слушают*.

«Хвойной позолотой взвенивает лес». Как вы понимаете эти слова? Какую картину представляете?

С.А. Есенин

Сыплет черёмуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
Никнут шелкóвые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и *дубравы*, —
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черёмуха, снегом,
Пойте вы, птицы, в лесу.
По полю *зыбистым* бегом
Пеной я цвет разнесу.

Стихи о берёзе

Отрывки

Я навек за туманы и росы
Полюбил у берёзки стан,
И её золотистые косы,
И холщовый её сарафан.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокося,
В юбчонке белой
Стоит берёза над прудом.

Никнут — пригибаются.
Дубравы — рощи, лиственные леса с преобладанием дуба.
Зыбистый (бег) — колеблющийся, волнообразный.

1. Возьмите в библиотеке книгу «Родные поэты» (любое издание) со стихами С.А. Есенина. Найдите стихи, которые изучали во 2 классе. Составьте их список. Перечитайте любимое стихотворение.

2. Составьте список имён, отчеств и фамилий поэтов, стихотворения которых вам знакомы.

О детях и для детей

Л.Н. Толстой
Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили посмотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощерился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощерился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Опишите дружбу льва с собачкой. Расскажите о переживаниях льва после смерти собачки.

Л.Н. Андреев

Куса́ка

В сокращении

Она никому не принадлежала; у неё не было собственного имени, и никто не мог бы сказать, где находилась она во всю долгую морозную зиму и чем кормилась. От тёплых изб её отгоняли дворовые собаки, такие же голодные, как и она, но гордые и сильные своею принадлежностью к дому; когда, гонимая голодом или *инстинктивной* потребностью в общении, она показывалась на улице, ребята бросали в неё камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистели. <...>

Только один раз её пожалели и приласкали. Это был пропойца-мужик, возвращавшийся из кабака. Он всех любил и всех жалел и что-то говорил себе под нос о добрых людях и своих надеждах на добрых людей; пожалел он и собаку, грязную и некрасивую, на которую случайно упал его пьяный и бесцельный взгляд. <...>

Наступила весна, и тихая дача огласилась громким говором, скрипом колёс и грузным топотом людей, переносящих тяжести. Приехали из города дачники, целая весёлая ватага взрослых, подростков и детей, опьянённых воздухом, теплом и светом: кто-то кричал, кто-то пел, смеялся высоким женским голосом.

Первой, с кем познакомилась собака, была хорошенькая девушка в коричневом форменном платье, выбежавшая в сад. Жадно и нетерпеливо, желая охватить и сжать в своих объятиях всё видимое, она посмотрела на ясное небо, на красноватые сучья вишен и быстро легла на траву, лицом к горячему солнцу. Потом так же внезапно вскочила и, обняв себя руками, целуя свежими устами

весенний воздух, выразительно и серьёзно сказала:

— Вот весело-то! <...>

Ночью собака подкралась к заснувшей даче и бесшумно улеглась на своё место под террасой. <...> Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их: спала одним глазом и при каждом шорохе вытягивала голову с двумя неподвижными огоньками фосфорически светящихся глаз. <...>

Приехавшие дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеко от города, дышали хорошим воздухом, видели вокруг себя всё зелёным, голубым и беззлобным, делало их ещё добрее. <...> Сперва они хотели прогнать напугавшую их собаку и даже застрелить её из револьвера, если не уберётся; но потом привыкли к её лаю по ночам и иногда по утрам вспоминали:

— А где же наша Кусака? <...>

И это новое имя Кусака так и осталось за ней. <...> И та же гимназисточка Лёля, забывшая обиду, окончательно ввела её в счастливый круг отдыхающих и веселящихся людей.

— Кусачка, пойдёшь ко мне, — звала она к себе. — Ну, хорошая, ну, милая, пойдёшь! Сахару хочешь?.. Сахару тебе дам, хочешь? Ну, пойдёшь же!

<...>

И Кусачка второй раз в своей жизни перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная наверное, ударят её или приласкают.

Но её приласкали. Маленькая, тёплая рука прикоснулась нерешительно к шершавой голове и свободно и смело забегала по всему шерстистому телу, тормоша, лаская и щекоча.

— Мама, дети! Смотрите: я ласкаю Кусачку! — закричала Лёля. <...>

Всей своею собачьей душой расцвела Кусака. У неё было имя, на которое она стремглав неслась из зелёной глубины сада; она принадлежала людям и могла им служить. Разве не достаточно этого для счастья собаки?

С привычкою к умеренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ела очень мало, но и это малое изменило её до неузнаваемости; длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшею грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас. И когда она от нечего делать выбегала к воротам, становилась у порога и важно осматривала улицу вверх и вниз, никому уже не приходило в голову дразнить её или бросить камнем. <...>

Она не умела ласкаться. Другие собаки умеют становиться на задние лапки, тереться у ног и даже улыбаться и тем выражать свои чувства, но она не умела.

Единственное, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. <...>

И все собирались и хохотали, а Кусака вертелась, кувыркалась и падала, и никто не видел в её глазах странной мольбы. <...>

Жёлтыми огнями загорелась осень, частыми дождями заплакало небо, и быстро стали пустеть дачи и умолкать, как будто непрерывный дождь и ветер гасили их, точно свечи, одну за другой.

— Как же нам быть с Кусакой? — в раздумье спрашивала Лёля.

Она сидела, охватив руками колени, и печально глядела в окно, по которому скатывались блестящие капли начавшегося дождя.

— Что у тебя за поза, Лёля! Ну, кто так сидит? — сказала мать и добавила: — А Кусаку придётся оставить. Бог с ней! <...>

Снова пришли незнакомые люди, и за скрипели возы, и застонали под тяжёлыми шагами половицы, но меньше было говора и совсем не слышно было смеха. Напуганная чужими людьми, смутно предчувствуя беду, Кусака убежала на край сада и оттуда сквозь поредевшие кусты неотступно глядела на видимый ей уголок террасы и на сновавшие по нём фигуры в красных рубахах.

— Ты здесь, моя бедная Кусачка, — сказала вышедшая Лёля. Она уже была одета по-дорожному — в то коричневое платье, кусочек от которого оторвала Кусака, и чёрную кофточку. — Пойдём со мной!

И они пошли на шоссе. <...>

— Скучно, Кусачка! — тихо проронила Лёля и, не оглядываясь, пошла назад. И только на вокзале она вспомнила, что не простилась с Кусакой.

Кусака долго металась по следам уехавших людей, добежала до станции и — промокшая, грязная — вернулась на дачу. Там она проделала ещё одну новую штуку, которой никто, однако, не видал: первый раз взошла на террасу и, приподнявшись на задние лапы, заглянула в стеклянную дверь и даже поскребла когтями. Но в комнатах было пусто, и никто не ответил Кусаке. <...>

Наступила ночь.

И когда уже не было сомнений, что она наступила, собака жалобно и громко завывала. Звонящей, острой, как отчаяние, нотой ворвался этот вой в монотонный, угрюмо покорный шум дождя, прорезал тьму и, замирая, понёсся над тёмным и обнажённым полем.

Собака выла — ровно, настойчиво и безнадежно спокойно. И тому, кто слышал этот вой, казалось, что это стонет и рвётся к свету сама беспросветно-тёмная ночь, и хотелось в тепло, к яркому огню, к любящему женскому сердцу.

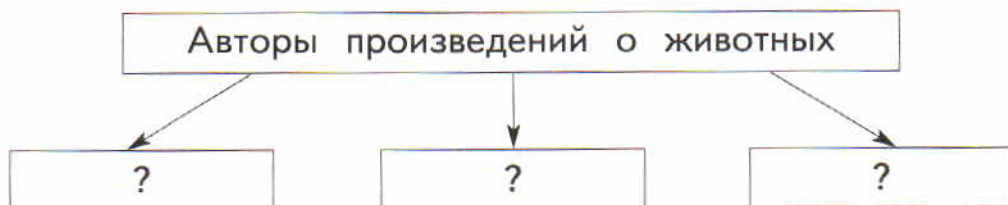
Собака выла.

Инстинктивной — бессознательной, безотчётной.

1. Вспомните фамилии русских писателей, которые писали о жизни животных.
2. Заполните схему.

Содержание

На острове Буяне

Загадки	3
Скороговорки	4
Пословицы	4
Потешки	6
Ульяна	6
Заинька	6
Былины	7
Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча	7
Первый бой Ильи Муромца	20
Алёша Попович	26

Добрый молодцам урок

Лиса и Котофей Иванович	34
Дрозд Еремеевич	41
Елена Премудрая	43
Девушка и Месяц	53
Бой Руслана с головой. <i>Отрывок</i> <i>из поэмы «Руслан и Людмила».</i> <i>А.С. Пушкин</i>	59
Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях. <i>А.С. Пушкин</i>	68
«Там лес и дол видений полны». <i>Э.Г. Бабаев</i>	90
Работник Емельян и пустой барабан. <i>Л.Н. Толстой</i>	94
Ореховая ветка. <i>Л.Н. Толстой</i>	109
Как Л.Н. Толстой рассказывал сказку об огурцах. <i>А. Сергеев</i>	113
Умная внучка	124

Уж сколько раз твердили миру...

Ворон и Лисица. <i>Эзон</i>	137
Голубь, который хотел пить. <i>Эзон</i>	138
Бесхвостая Лисица. <i>Эзон</i>	139
Филин и чиж. <i>А.Е. Измайлов</i>	140
Крестьянин и Работник. <i>И.А. Крылов</i> ...	141
Волк и Ягнёнок. <i>И.А. Крылов</i>	143

Сыплет черёмуха снегом...

Листопад. <i>И.А. Бунин</i>	145
Лес и степь. <i>И.С. Тургенев</i>	152
Воробей. <i>И.С. Тургенев</i>	157
Деревня. <i>И.С. Тургенев</i>	159
Крестьянские дети. <i>Н.А. Некрасов</i>	161
Зелёный Шум. <i>Н.А. Некрасов</i>	168
Зелёный Шум. <i>К.И. Чуковский</i>	170
Саша. <i>Н.А. Некрасов</i>	171
Москва. <i>Ф.Н. Глинка</i>	174
«Помню я: бывало, няня...».	
<i>И.С. Никитин</i>	176
«Топи да болота...». <i>С.А. Есенин</i>	178
«Сыплет черёмуха снегом...».	
<i>С.А. Есенин</i>	179
Стихи о берёзе. <i>С.А. Есенин</i>	180

О детях и для детей

Лев и собачка. <i>Л.Н. Толстой</i>	181
Кусяка. <i>Л.Н. Андреев</i>	183

Учебное издание

Автор–составитель
Ефросинина Любовь Александровна

Литературное чтение

3 класс

Учебная хрестоматия
для учащихся общеобразовательных учреждений

В двух частях
Часть первая

Издание третье, доработанное

Редакторы *И.Н. Баженова, О.П. Москвина*
Внешнее оформление *Е.Ю. Графова*
Макет *В.А. Андрианова, Е.В. Согановой*
Художники *М.Ю. Зарецкий, А.И. Крысов, В.А. Цепилова*
Художественный редактор *Е.В. Соганова*
Компьютерная верстка *Н.И. Беляевой*
Технический редактор *Л.Е. Пухова*
Корректоры *Ю.С. Борисенко, О.А. Мерзликина*

Подписано в печать 25.10.12. Формат 70×90/16
Гарнитура JournalC. Печать офсетная
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 12,0
Тираж 35 000 экз. Заказ № 33915.

ООО Издательский центр «Вентана-Граф»
127422, Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, корп. 3
Тел./факс: (495) 611-15-74, 611-21-56
E-mail: info@vvgf.ru, <http://www.vvgf.ru>

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат»
410004, г. Саратов, ул. Терешковского, д. 59. www.sarprk.ru